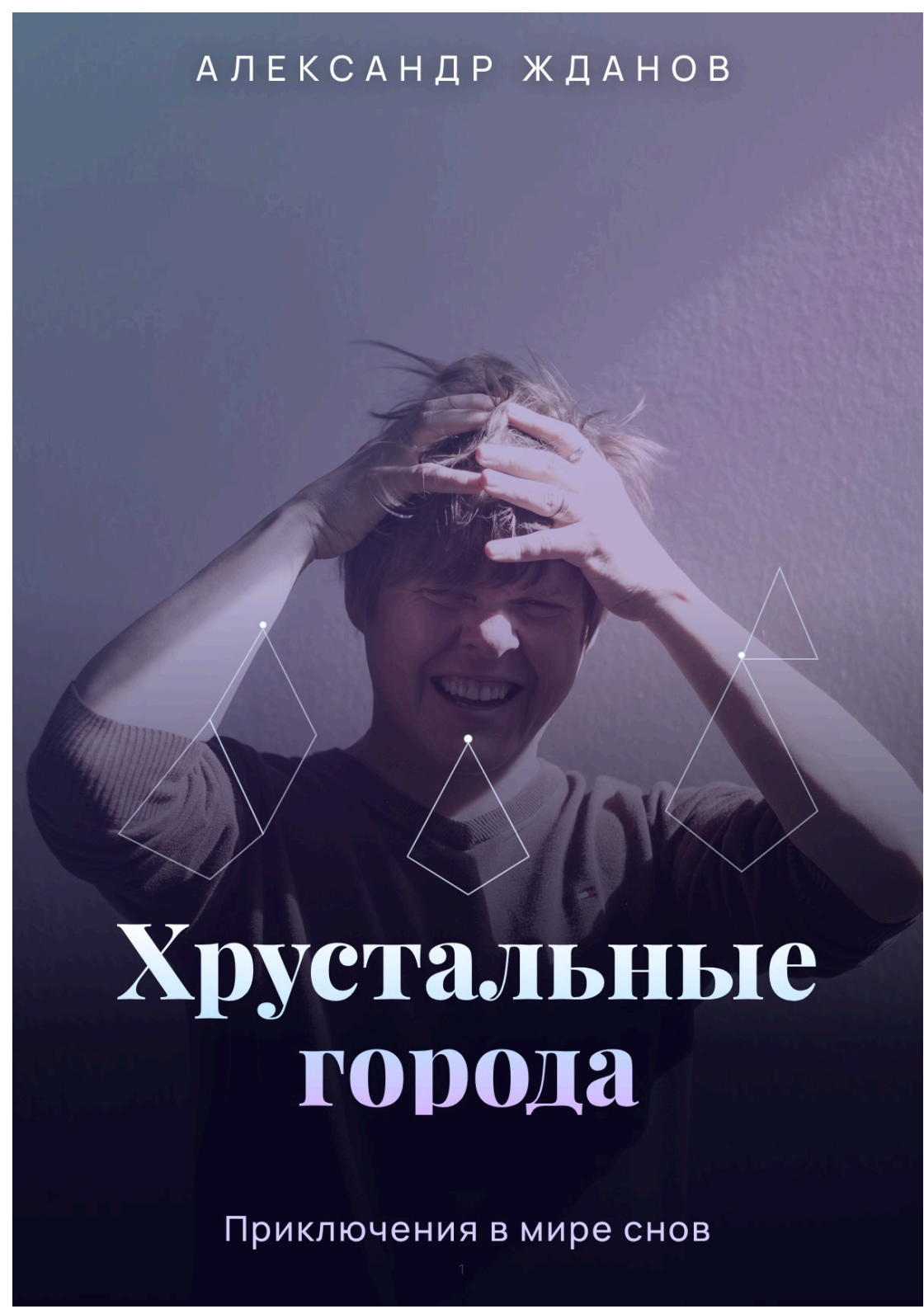

АЛЕКСАНДР ЖДАНОВ

A person with short brown hair is shown from the chest up, wearing a dark brown sweater. They have their hands pressed against their temples and are smiling broadly, showing their teeth. The background is a soft, out-of-focus light blue. Overlaid on the image are four white geometric shapes: three triangles and one quadrilateral, each with a small white dot at one of its vertices. The shapes are positioned around the person's head and shoulders.

Хрустальные города

Приключения в мире снов

Хрустальные города

Александр Жданов

Бесплатная электронная версия. © Александр Жданов

ХРУСТАЛЬНЫЕ ГОРОДА

Хрустальные Города. Жданов А. – Санкт-Петербург: Свое Издательство, 2019. – 164 с.

Isbn: 978-5-4386-1769-3

Александр Жданов – молодой парень с большими амбициями, он, кажется, добивается успехов во всём. А ещё – верит в себя, в настоящую дружбу и в то, что наш мир – это не просто прекрасное место для жизни и путешествий, а еще и ключ к чему-то большему – к невероятным магическим приключениям, тайнам, новым возможностям.

В реальной жизни Саша – путешественник, посетивший абсолютно все страны мира, журналист, телеведущий, человек, который сделал себя сам. Вы можете увидеть его повсюду – в соседнем кресле самолёта, в одном из кафе Австралии, на телеэкране или в интернете. Но вам точно ещё не выпадал шанс оказаться в его снах.

Способность оказаться во сне любого человека, изменять саму реальность, познать истинную природу ночных кошмаров, общаться с теми, кого давно нет в нашем мире – это тоже к нему.

В мире сновидений – он бесстрашный герой, кому снова придётся совершить невозможное – избавить планету от нашествия бесплотных существ из иной реальности.

У вас в руках – первая интерактивная книга о приключениях в мире сновидений и реальной жизни. Участие в развитии сюжета вы примите сами. Засыпайте и помогите спасти мир!

(с) Александр Жданов, 2019

СЛОВО ОТ АВТОРА

Перед тем, как начать эту историю, хочу сказать несколько слов читателям.

Прежде всего, спасибо всем, кто выбрал эту книгу. По любой их причин. Чтобы скрасить досуг. В надежде на интересную историю (надеюсь, моя вас не разочарует). Из уважения. Из любопытства. По той причине, что знает меня. Потому что просто эта книга попала в руки. Из-за того, что прочитал на обложке, и теперь надеется узнать больше о мире осознанных сновидений.

Я не назвал одну из категорий возможных читателей книги “Хрустальные города”. Те, кому ранее попадал в руки роман “Игра в себя”. Если вы его не читали, у меня есть определённые сомнения в том, что вы сможете пережить те же ощущения, что пережили герои книги. Будет непросто находиться с ними на одной волне. Для них то, что происходит в этой книге, в некотором смысле, отголоски событий из более ранней истории.

Впрочем, можно попробовать прочитать о хрустальных городах, территории сновидений, коварном враге, верных друзьях, человеке с волчьими глазами и существах, которые не существуют, но при этом они есть и очень хотят жить нашими жизнями - вместо нас. Прочитать в отрыве от того, что случилось ранее. Начать смотреть футбольный матч со второго тайма, не зная о том, кто играет, в надежде, что игра сама себя покажет.

Можно по-любому. Ведь это ваша реальность. Вы творите её по своему усмотрению, наполняя тем, что считаете

важным здесь и сейчас. Всё преходяще и для всего когда-нибудь наступит время. Хорошо, что здесь и сейчас вы нашли время для моей истории. В ней всё - чистый вымысел, все совпадения с реально существующими лицами, событиями и ситуациями не имеют ничего общего с реальностью. Но только на первый взгляд.

Это книга о моих друзьях. Они самые настоящие. Это книга о моих путешествиях - по нашей планете и по территории сновидений. Они реальные настолько, насколько вы верите в то, что так может быть. Это книга о том, что я видел, что пережил, о чём думал, что чувствовал. Всё это - часть моей жизни. Какую форму я придал событиям и мыслям - это уже другой вопрос. А первый и самый важный вопрос такой: скажите, вам всё это снится или вы бодрствуете? Что есть сон и что есть реальность? Что есть история выдуманная и что такое - сама жизнь?

*Ваш Александр Жданов,
обитатель хрустального города, лучшего на планете
КЛЮЧ*

Под сиденьем едва слышно звенели его последние приобретения, аккуратно уложенные в спортивной сумке с логотипом футбольного клуба города посреди сонной Европы. Города, у которого он украл его ноту. Его звучание. Впрочем, не только этому городу досталось. И не ему одному в ближайшее суждено лишиться голоса...

Теперь то, что недавно принадлежало душе того города, как и ещё примерно десятку небольших поселений, которые он выбирал за их особенное звучание, грустным

хрустальным стакатто, звучащим в одном темпе с ходом вагона поезда, взывали к нему.

“Меня вам не уговорить. Я точно знаю, что делаю и зачем... А ваши несчастные, слепые и глухие жители, кому давно ничего не нужно, кроме как убивать время в интернете и рожать себе подобных, - они даже не заметили, чего лишились”, - прошептал он своему едва различимому отражению в стекле вагонного окна.

В это время поезд миновал пустынный регулируемый переезд. Звон предупреждающего автомобилистов сигнала, дополняющий опущенный шлагбаум, на мгновение вошёл в резонанс с хрустальным плачем спрятанных в недрах спортивной сумки ключей к новому миру. На это же мгновение человеку, шепчущему странные слова собственному отражению в ночном окне пронзающего летнюю тьму поезда-стрелы, показалось, будто это не звон доносится из-под сиденья, а тихие крики бессилия и боли. Бессилия того, что ему удалось заточить, воспользовавшись моментом. Боли тех, кто ещё не понял, чего лишились они, можно сказать, по собственной воле.

“Теперь в ваших снах поселится горечь”, - со злым и весёлым одновременно оскалом прошептал он в стекло. В это время поезд промчался сквозь маленькую деревеньку: ни в одном окне не теплился свет, поселение казалось мёртвым. Покинутым людьми и лишённым души.

Это зрелище, которое успели разглядеть слегка флуоресцирующие во тьме глаза странного человека, немного похожего на волка, решившего обмануть охотника и

натянувшего человеческую шкуру, послужило сигналом. Сигналом для отхода ко сну.

В вагоне властвовала уютная темнота, шорохи и шепотки после обязательных дорожных ритуалов, вроде торопливого ужина, знакомств с соседями по купе и заглядывания в интернет через разнообразные гаджеты, сменились где час-полтора назад благостным посапыванием пассажиров разных возрастов. Ночный поезд разрезал тьму, всё больше удаляясь от одной столицы и приближаясь к другой. Из Москвы в Петербург ехали несколько сотен человек, не зная, что в одном с ними составе едет в наэлектризованный радужными ожиданиями в последние дни перед началом чемпионата мира по футболу Петербург человек, давно переставший причислять себя к людскому роду.

Для тех, на кого он работал, меньше, чем человек. Чуждое существо для тех, с кем он ехал в одном вагоне, вглядываясь волчьими зрачками в то ли уснувшие, то ли оставленные полустанки и поселения, льнувшие к железнодорожному полотну. Не больше, чем человек, нечто иное. И от того, что это иное находилось так близко от мирно спящих пассажиров, которые даже не подозревали о таком соседстве, могло бы стать страшно тому, кто всё понял. Только до сих пор никто, где бы человек-волк ни оказывался, ничего не ощущал странного. Пока не становилось слишком поздно.

Сейчас, пока мы, не рискуя преодолеть четвёртую стену, разделяющую написанное от прожитого, наблюдаем за тёмной фигурой, человек-волк неслышно готовится ко сну. По-звериному бесшумно и по-человечески ловко он

разложил столик, превратив своё место в нижнюю спальную полку.

Так же бесшумно и ловко он появился в вагоне, когда поезд готовился к броску в Петербург с платформы Ленинградского вокзала. Никто из занятых в тот момент раскладыванием вещей и прощанием с провожающими их друзьями и родными пассажиров не обратил внимания, как на крайнем боковом месте, самом ближнем к купе проводника, появился этот человек.

В боковом купе весёлая семья из молодых мамы и папы и двух девочек-подростков перешучивалась друг с другом, распаковывала сумки и яркие рюкзаки сестёр в короба под нижними полками, махала кому-то на перроне. Затем поезд тронулся. По проходу вдоль купе пошла проводница, Семейство расселось по местам, одна из девочек-подростков посмотрела в сторону прохода: там уже сидел человек. Он смотрел в окно. В руках у него ничего не было, но от него исходил едва слышный звон. Не сразу девочка поняла, что хрустальные колокольчики переговариваются из-под сиденья, на котором сидел загадочный пассажир.

Девочка была уверена, что ещё минуту назад на боковом месте никого не было. Она хотела сказать об этом маме, которая сидела рядом и в этот момент доставала из сумки-холодильника большую бутылку минералки. Только спустя уже мгновение девочка отвлеклась на что-то, что сказала ей сестра, и через пару секунд забыла о сидящем через проход человеке.

Он, казалось, слился с вечерними тенями на своём месте, так что никто не обратил на него внимания. Семья, с которой

ехал рядом человек-волк, несколько раз за вечер проходила мимо него, но как будто миновала пустое место. Точно так же поступила и проводница, только об этом никто в вагоне так и не узнал, пока поезд нагонял ночь. Наверное, не стоит уточнять, почему верхнее боковое место, над сидящим в сумерках человеком-волком так никто и не занял, хотя у проводницы всё сошлось, и все места в вагоне были заняты, хотя она ни за что не вспомнила бы, как проверяла документы у безмолвно сидящей так близко от её купе фигуры.

В этом настоящем моменте, когда в вагоне диктовала свои условия людям ночь и загадочный пассажир готовился ко сну (если ему нужна постель, значит, он не призрак, не чудовище, не зомби какой-нибудь, можете подумать вы и будете в равной степени правы и нет), проводница с красивым именем Кристина, которое, однако, во всех документах значилось как Крестина (неграмотная описка в свидетельстве о рождении), завершив все обязательные дела, читала по старинке на бумаге один из детективов Роберта Гэлбрейта.

Увлечённая происходящим в книге с Кормораном Страйком, главным героем серии детективов, написанных автором книг о Гарри Поттере под мужским псевдонимом, Кристина даже не догадывалась, что буквально за тонкой перегородкой её купе живёт, дышит и вынашивает планы некто, у кого имён без счёта. Впрочем, как и обликов.

Интересным был бы детектив, если бы злодея никто не смог увидеть? Таким вопросом проводница, увлечённая книгой, не задавалась. Но если бы хоть на секунду в её голове

промелькнула мысль о том, что кое-кого из пассажиров вагона она не знает и не видела, но он есть, Крестина, впрочем, не стала бы рисковать и затевать расследование. Она бы, согласно своему имени, перекрестилась и заперла дверь купе. Так было бы лучше - и для неё, и для всех, кто сейчас мирно спал в вагоне.

Впрочем, спали не все. Человек-волк лежал головой к выходу из вагона, вглядываясь в тёмный проход. Он только сейчас увидел, что соседнее купе выглядело странно пустым. Вроде бы там были пассажиры, потому что на сиденьях были расстелены постели и даже лежали какие-то журналы, но людей на этих постелях он не увидел.

Люди его совершенно не волновали, потому он прикрыл глаза и попытался забыться тем, что заменяло ему сон, вслушиваясь в перестук колёсных пар на рельсовых стыках и в хрустальный перезвон сокрытых под его спальным местом и прикрытых свисающей простынкой... Нет, ещё не время говорить, что же там, в спортивной сумке с логотипом футбольной команды из европейского города, который в скором времени станет живым трупом, если так можно назвать город.

Не время и для первой ноты. Пока инструменты только готовятся вступить, музыка ещё не зазвучала. На пустом нотном стане - один-единственный ключ, которому суждено определить, в какой тональности будет мелодия.

Волчьи глаза закрываются. Под веками они перестают светиться. И в этот момент возвращаются те, кто ехал в соседнем купе....

* * *

Разгадка того, почему пустовало соседнее купе, оказалась простой и до скучно очевидной. Начало июля: каникулы у курсантов военных училищ и академий. Разъезжаются по родным местам на короткие летние каникулы.

Курсанты - люди беспокойные. Вынужденные большую часть года подчиняться строгим правилам казарменного быта и жить в соответствии с воинским уставом, вырываясь на волю и снимая на время форму, они могут становиться довольно невыносимыми. Не купаться в фонтанах, как делают десантники с арбузными животиками, но отрабатывать командирские голоса, ещё недавно дававшие юношеского петуха, в условиях крайне ограниченных пространств. И без внимания к окружающим.

Четверо парней - двое с верхних полок в основном купе и двое из бокового, а с ними - две подруги. Половину ночи они провели, скорее всего, сначала в вагоне-ресторане, а затем, когда оттуда их попросили, тусовались, пока не наскучило, у кого-то из друзей в соседнем вагоне. В самый глухой час решили, что пора возвращаться, но не завершать празднование окончания очередного курса.

Человек-волк успел забыться беспокойным сном, в котором он кого-то преследовал то ли по улочкам африканского гетто, то ли по переулкам вполне европейского города, где число эмигрантов понемногу начинает уравниваться с числом коренных жителей. Те, кто от него пытались скрыться, уносили с собой нечто весьма важное. Они уносили звучание. Ноту города. Его душу. Пытались спрятать от него, только их попытки заранее

были обречены на провал. Он всегда брал то, что было нужно ему. Что требовали от него забирать те, на кого он работал.

В своём сне он уже заносил руку, с кончиков пальцев которой срывались алые молнии, чтобы поразить лежащего на грязном тротуаре, усыпанном обёртками от бургеров, шаверм и прочего мусора, питающего современных людей, как жертва повернулась к нему лицом, хотя до этого в ужасе закрывала голову руками, улыбнулась и громко спросила: “Девчонки, а вы были в Кондопоге?”

Волчьи глаза распахнулись во тьму, но голос не исчез вместе с растаявшим сновидением, доставившим удовольствие, какое прирождённый охотник обычно получает нанося coup de grace добыче. Напротив, голос стал более отчётливым. Его источник явно был в соседнем купе.

Тройка курсантов и две девчонки с нижних полок то ли вынужденно, то ли с некоторой долей восторга внимали речам четвёртого парня - самого громкого и самого нетрезвого. Рассказывая о городе, из которого он был родом, парнишка лучился гордостью. Слышно было в каждом его слове, что ему нравится Карелия, где он родился и вырос. После окончания обучения он планировал отправиться на службу в одну из воинских частей недалеко от дома.

Во время рассказа о детских годах, проведённых в Кондопоге и её окрестностях, курсантик то и дело прикладывался к минимум двухлитровой бутылке с каким-то газированным и явно алкогольным, судя по гнилостному запаху, пойлу.

Ноздри человека-волка дёрнулись, сражённые волной запаха. Он едва не чихнул, поскольку не выносил ни запаха

табака, ни алкоголя, а ими так любили себя травить те, с кем ему приходилось иметь дело - по обе стороны условных баррикад.

Между глотками рассказчик, кого его друзья называли Дэном, безуспешно стараясь вынудить говорить его потише, разливался соловьём о природе, о красоте места, в котором он вырос. Волчьи уши, неотличимые от человеческих, нисколько не волновали эти петушинные вопли, на которые понемногу стали реагировать недовольными голосами из разных купе вагона. При желании молчаливый пассажир со звонким загадочным грузом в спортивной сумке мог заключить себя в кокон безмолвия, через который ни один звук бы ни пробрался. Но ему стало любопытно.

Ему всегда было любопытно, что для человека значит родина. Малая родина, а не та, которую принято писать непременно с прописной буквы, защищать в лихие годы и с вызовом считать лучшей и самой достойной. Сколько бы городов, поселений, которых не сыскать на карте, деревенок и прочих обитаемых мест не лишил души, каждый раз он сталкивался с непонятным для него упорством со стороны хранителей. Они, даже под угрозой смерти, не желали отдавать то, что для жителей всех этих жалких поселений почему-то имело смысл. Они не хотели лишаться воспоминаний о своей родине, не хотели терять память о той единственной и неповторимой ноте, которая каждый раз отдавалась, как камертон, резонансным отзвуком тепла, узнавания и любви в их сердцах.

Родное место отчего-то так много для них значило. Человек-волк не понимал этого, но был рад, когда встречал

таких людей, хранителей нужных ему нот. Его работодатели щедро платили ему за работу. Его работодатели понимали, в чём смысл стремления людей из Старого Света к своим корням, потому что сами они этих корней в каком-то смысле были лишены. За много поколений до того, как они появились на свет, их предки, покинув родные места, отправились за океан, на освоение территории, которую до сих пор по недоразумению или из-за лени называли Новым Светом, хотя нового там ничего не было. Напротив, всё как везде: деньги, борьба за власть, обман, лицемерие. Одно важное отличие, впрочем, было. Склонность жителей этих земель к перемене мест. Нация перекати-поле: если что-то переставало устраивать их на обжитом месте, они загружали вещи в джипы, а то, если побогаче, заказывали перевозку вещей по железной дороге контейнером, а если совсем богачи, то просто закрывали дверь дома, сдавали ключи риэлтору и улетали в бизнес-классе самолётом в новый дом, неотличимый от оставленного, только в другом штате.

Ему нравилось отношение к месту его работодателей. Он и сам был таким. Кочевником, странником, пилигримом, следопытом. Его вели дороги, и у дорог этих не было окончательного пункта прибытия. Как не было и такого места, где бы его ждали - особенные люди, вещи, воспоминания. Он родился в пещере, где-то среди норвежских фьордов, и с тех пор миновало слишком много лет, точно не одна сотня, чтобы он помнил хоть что-то о месте своего рождения, о лицах тех, кого он увидел первыми, открыв глаза в этом мире. У него была родина, но не было ни

малейшего желания думать о ней, как и однажды вернуться туда, где для него всё началось.

Всё это пронеслось у него в разуме скорым поездом, минующим в своём ослепительном безразличии затерянный среди ночи и снегов полустанок, пока он слушал заверения юного Дениса, слепого в своей любви к родному городку и в оценке важности своего места в этом большом мире.

Волчьи глаза снова закрылись. Ему больше не было дело до того, что голос рассказчика родом из Кондопоги становился всё более бессвязным, всё чаще в его речи проскальзывали грубые бранные слова, какими он без зазрения совести отвечал и пытавшимся его утихомирить пассажирам и друзьям. Он хотел, чтобы его выслушали, потому что ему было важно то, о чём он рассказывал.

Ещё один глупец и слепец. Ещё один надменный человечек, считающий, что кому-то ещё, кроме него, важно захоlustье, в котором он появился на свет, раскрыл свои глаза, чтобы почти сразу же ослепнуть.

Всё бы обошлось, но, на свою беду, после разговоров, перекура в тамбуре, несмотря на существующий запрет курить в поездах, и распаковки новой порции алкоголя, курсанты и их подруги не решили нестройным шёпотом исполнить песню.

Чуткие уши человека-волка не выносили музыки. Особенно тех песен, в которых была сокрыта сила, природы которой он не понимал. Ещё в раннем детстве, глупым волчонком он узнал, что в каждом месте, где живут люди, сокрыта музыка. Каждое место, хранящее в себе чувства и воспоминания всех поколений, живших и ныне живущих,

звучит по-своему, особенной нотой. Если собрать ноты, присущие определённым местам, в особой последовательности, возможно создать оружие огромной разрушительной силы или же защитный щит. Или уничтожить, или спасти. А ещё есть обычная человеческая музыка. Для понимающих ушей она не вся одинакова. Есть такие последовательности нот и слов, которые не могут причинить боль охотникам, к числу которых принадлежал пассажир ночного поезда “Москва - Санкт-Петербург” с волчьим взглядом. Как это работает, он никогда не задумывался, но с первой ноты различал то, что обязательно создаст ему проблему.

Музыка могла быть разной - от фольклорной баллады до хэви-металлических воплей. Чтобы не попасться на удочку одной из мелодий-ловушек, он никогда не слушал музыку сам, но не мог запретить слушать её людям вокруг него.

Разбудивший его курсант, вспыхавший на пьяную голову любовью к родному городку, не был для него проблемой. Проблемой стало желание ребят спеть песню перед тем, как улечься наконец по своим местам. Среди тысяч модных у молодёжи песен летом 2018 года они выбрали не самую новую, но одну из самых убойных для охотников на города. Песню Дианы Арбениной.

Диана - это имя богини охоты. Диане по силам, выпустив музыкальную стрелу, попасть в сердце волку. Уловив сквозь подступающий сон первые аккорды песни “Да, так начинается жизнь”, волк заскрипел зубами. Это была одна из самых кошмарных для него песен: каждая её строчка всё крепче связывала его волю, возвращая его туда, где всё

начиналось. В пещеру среди фьордов, под чадающие факелы из тряпок, пропитанных тюленьим жиром. Он не хотел вспоминать это. Не мог. Слишком больно...

“Да, так начинается жизнь. Когда обратный билет, молчи. Нет, я никогда не пойму, кто нас к себе приручил...” Нестройными голосами молодые подонки, задумавшие применить без предупреждения запрещённое оружие, затаили припев.

Волчья натура внутри хрупкой человеческой оболочки заёрзала, подняла голову и приготовилась испустить вой, полный боли и ярости. Он моментально проснулся, сел на полке, проствня упала на пол, отброшенная сильной рукой, пальцы которой заболели от усилия - так ему хотелось выпустить когти и несколькими уверенными взмахами разорвать юные глотки, подставив лицо под струи бьющей из ран крови.

Нет, так нельзя. Только не накануне такой важной миссии. Хозяева не поймут, если он всё завалит. И точно не придут ему навстречу, если ему придётся бежать посреди ночи, выскользнув из мчащегося сквозь ночь поезда, в котором останется полный вагон трупов.

Есть другой вариант: потратить часть данного ему перед отправкой на миссию заряда. Конечно, он не должен этого делать, но есть надежда, что в Петербурге, где миллионы горожан и приехавших на чемпионат мира по футболу гостей со всего света помогут ему восполнить энергию.

Он опустил ноги вниз, нагнулся за упавшей простышкой, аккуратно и очень осторожно положил её на матрас, боясь, что не совладает с собой и от боли, вызванной песней,

выпустит когти. Он решил утихомирить самого буйного, чтобы прекратить пытку. Достаточно будет одного касания.

Нетвёрдой походкой он прошёл мимо распевавших песню парней. Покачнувшись на ходу, что вызвало смешки у шумных соседей, он якобы ненароком схватился за плечо кондопожского патриота.

- Что, дядя, погулял вечером? - насмешливо спросил его

парень, прервав пение. - А то, если хочешь, присоединяйся к нам. У нас радость, домой едем. Отпуск у нас.

Нечленораздельно промывав что-то в ответ, он прошаркал мимо и дошёл до туалета, сопровождаемый недобрым блеском глаз пассажиров, кого также разбудили шумные курсанты, но кто, при этом, не набрался смелости заткнуть огрызавшихся в ответ на злобное шиканье щенков.

Он постоял несколько минут в тамбуре, где несло табаком. В одном из углов валялись окурки и блеснувшая во тьме лужица блевоты. Спавшая в своём купе проводница Крестина ещё не знала, что ей утром придётся всё это чистить. Зато не придётся вызывать наряд, дежурящий на маршруте, потому что он уже утихомирил буйную молодёжь.

Досчитав до сотни, он пошёл назад. Теперь его встретили ехидные шепотки переговаривавшихся между собой разбуженных пассажиров. Из содержания их реплик он понял, что всё сделал правильно. Денис затих, потеряв сознание. Друзья подумали, что он отключился от выпитого и укладывали его на нижнюю полку, которая принадлежала

одной и девушек. Впрочем, та не против была и на верхнюю перебраться: был четвёртый час утра, всем хотелось спать.

* * *

Утром, когда состав уже подъезжал к Московскому вокзалу, волк сидел на своём месте, всё так же всматриваясь в пейзаж за окном. Проспавшая всю ночь праведным сном младенца девочка из основного купе, кому вечером пассажир напротив показался подозрительным, забыла о том, что было. Её захватили новые ощущения. Они приехали посмотреть футбол. На днях на стадионе “Санкт-Петербург”, том самом долгострое, куда город вбухал столько миллиардов, должен был состояться один из финальных матчей Чемпионата, за третье место будут сражаться команды Бельгии и Англии.

Девочка болела за Англию. Она мечтала, когда чуть подрастёт, отправиться на учёбу в один из престижных английских колледжей, и родители пообещали ей, что её мечта осуществится. Только впереди у девочки осталось не так много времени, чтобы надеяться на осуществление её мечты. Впрочем, пока не время ставить точку в её истории. Она столкнётся ещё раз с человеком-волком, и повторная встреча будет не столь безобидной.

Но это позже. Сейчас пришло время ставить точку в истории курсанта третьего курса одного из престижных военных университетов Москвы. Денис не хотел напиваться. Он вообще плохо переносил алкоголь, в отличие от Макса, Ильи и Вовки, с кем он ехал на поезде. В Петербурге их пути должны были разойтись, в Кондопогу Дэн поедет один,

девушки, с которыми они познакомились прямо в вагоне, приехали в Питер, чтобы окунуться в весёлое безумие Чемпионата. Одна из них, что уступила ему вынужденно ночью место на своей полке, втайне надеялась закадрить какого-нибудь иностранца, приехавшего поболеть за свою команду. Почему она не сделала этого в Москве, раз она была родом оттуда и финал чемпионата должен был пройти на столичном стадионе “Лужники”? Об этом не спрашивайте: история не о девчонках, не о курсантах, друзьях Дениса, и даже не о нём самом. То, что с Денисом произошло ночью, - это ключ к пониманию сюжета. Остальное - совершенно неважно.

Денис не хотел пить, но желание показаться девчонкам интересным собеседникам для него, как для очкарика, отличника и любящего свою маму хорошего парня, сыграло с ним злую шутку. Алкоголь не просто развязал ему язык, вынудив проговориться о том, о чём он не рассказывал своим однокурсникам, мечтавшим после выпуска оказаться в Москве или Петербурге, на тёплых местечках, где и звания, и содержание. Он не хотел, чтобы его считали чудаком, для кого родная Карелия во сто крат приятнее загазованного мегаполиса, где людьми движет жадность.

Как бы там ни было, уже было поздно - и для Дениса, и для его планов на будущее. Он совершенно не мог вспомнить, что с ним произошло минувшей ночью. Как ни старались расшевелить его друзья, он сидел на нижней полке, в задумчивой растерянности снова и снова протирая свои очки, которые вчера едва не разбил, пока его выворачивало наизнанку в тамбуре. Что он делал? О чём

говорил? Он помнил, что о чём-то очень важном для него, но, вряд ли это кто-то оценил, судя по сдержанным улыбкам девчонок, которые уже собрали свои вещи и внутренне уже вычеркнули из памяти шумных курсантов, готовые к погружению в карнавальную феерию.

Он забыл что-то очень важное. Хотя, чем дольше он сидел, пытаясь вспомнить, тем яснее в его голове вырисовывались контуры одной идеи. К тому времени, как поезд прибыл на вокзал и настало время выходить, он понял, что он должен сделать. Он поднял голову, и его взгляд встретился с взглядом тихого пассажира с бокового места у самого выхода из вагона. Что-то такое произошло между ними ночью, но Денис не мог вспомнить.

Пассажир увидел, что Денис на него смотрит, и в волчьих глазах зажглось на мгновение нечто, напоминающее улыбку того, кто ощущает своё превосходство. При этом лицо человека осталось совершенно равнодушным и холодным. Он отвернулся от Дениса, словно вычёркивая его из списка того, о чём следует хранить воспоминания. Лёгким пружинистым движением подхватил спортивную сумку, лежавшую под сидением, при этом сумка хрустально звякнула. Встал и ни слова не сказав никому в купе по соседству, вышел в тамбур.

Когда поезд остановился и первые пассажиры, прощаясь с проводницей Крестиной, вышли в тёплый солнечный воздух замечательного июльского денька, человека-волка в тамбуре уже не было. Он исчез так же тихо и незаметно, как и появился в вагоне. Позже, собирая бельё, оставленное пассажирами, Крестина Карелина, так звали проводницу,

удивилась, почему в крайнем, самом ближнем к её каморке боковом купе оказался только один комплект белья, хотя все места в вагоне были заняты. Впрочем, она через пару минут забыла об этом, как и о том, что на белье, лежавшем на нижней полке она увидела прорванные в нескольких местах участки. Словно кто-то запустил когти, намереваясь разодрать простыню на полосы, но передумал.

Только вот не передумал. Человек-волк, исчезнув их жизни тех, кто ехал в вагоне, оказал влияние на всю последующую жизнь минимум двоих из пассажиров. Один из них, парень Денис, через месяц подожжёт главное кондопожское сокровище - старинную деревянную церковь. Новость об этом пронесётся удушливой волной гари и сажи по новостным порталам, но сгинет в небытие, потому что какое дело жителям больших городов до какой-то церквушки, даже если она, по свидетельствам экспертов, очень особенная.

10 августа он предаст огню душу своего родного города. В этот день сгорит церковь Успения Всеблагой Богородицы. Храм восемнадцатого столетия стоял на особенном месте, в точке пересечения энергетических линий, защищавших жителей этих мест от того, что отчасти можно назвать глобализацией, а на самом деле - стиранием. До того, как на особенном месте появился деревянный храм, там стояли другие постройки. Каждая новая вбирала в себя ноту, которой звучала более ранняя постройка, так что с каждым разом нота звучала всё сильнее. Когда сгорела церковь Успения Всеблагой Богородицы, нота оборвалась.

Каким был итог это скорбного события, в котором обвинили каких-то заезжих туристов? Для Дениса - самый печальный. Он, чтобы скрыть свою вину в случившемся, прежде всего, от самого себя, уехал из родного города и больше никогда в него не вернулся. Со сгоревшим храмом перегорело и что-то внутри Дениса. Он перестал думать о родном городе, когда вернулся в столицу. Желанию после выпуска вернуться в Карелию пришлось уступить место: теперь Денис думал только о том, как бы остаться в большом городе. На пятом курсе, за полгода до выпуска, он влип в одну очень нехорошую историю, да такую, что ему пришлось бежать из страны.

Он не знал, что всё произошедшее с ним после той злополучной ночи в поезде было не случайностью, но закономерностью. Человек-волк поставил на нём метку, используя для этого часть силы, которой его наделили существа, находящиеся на другом полюсе существования. Проводящие всё своё время за пределами реальности, в мире снов, где не важны ни территориальные границы, ни память о каком-то месте, с которого всё начиналось.

Помеченный этой чуждой силой парень стал управляемой куклой. Когда настанет время уходить человеку-волку на покой, его место займёт Денис. Который не выбирал такой доли. Впрочем, его тоже не выбирали, так вышло. Он очень сильно любил свою малую родину...

ГЛАВА 1. ДО

Каждый раз, по возвращении из очередного путешествия, я, оказываясь на улицах Петербурга, думаю о том, как я люблю свой город. Свою большую и малую, неповторимую родину, место, в котором я ощущаю приток сил.

В это раз всё было так же, за исключением одного. Сны. Тревожные предупреждения. Они вернулись снова, спустя много месяцев после того случая с тем, кого я считал другом, но он считал иначе и хотел отнять у меня мою жизнь. Та история завершилась, к счастью, хорошо для всех. Для меня та история стала возможностью открыть для себя новый мир, встретиться со своим прадедом, кто, как оказалось, нашёл мир в своей душе и обрёл свой приход по ту сторону. Я с новой стороны узнал некоторых из своих друзей, а одна из них, Алина, удивила меня так, как редко кому удаётся. Она оказалась тем, кого я бы назвал могущественной волшебницей в мире сновидений, но время волшебников прошло. На планете живёт и процветает дух корпораций, потому Алина - важный человек в министерстве сновидений.

Впрочем те, кто был со мной в роли зрителей в той истории, где один человек играл в меня вместо того, чтобы познавать себя, всё это знает. Не знают они, как и я, другого. То, что должно произойти в ближайшие дни.

Я этого не знал, находясь в мире реальности. Но моё внутреннее я, то самое, которое общалось с прадедом,

преодолеvalo многие километры ради встречи с дорогими мне людьми в мире снов, - оно знало. Знало и пыталось мне рассказать. Однако я не был готов услышать. Для этого, в дополнение к сну, который мог оказаться вещим, мне была суждена ещё одна важная встреча, значение которой я понял не сразу.

До встречи был сон.

В моём сне я нахожусь в кафе. Точнее - выхожу из него. Ранние сумерки.

Я выхожу на улицу и не сразу понимаю, в чём дело. На проспекте ни души, хотя я только что покинул заведение, где негде было яблоку упасть: полная загрузка, и не только по той причине, что суббота. Почему-то во сне был важен этот момент - всё происходит в субботу.

Я ощущаю не сразу, что вокруг очень уж тихо. Тишина мёртвая. Ни души, ни машины. Ни голосов, ни шума проезжающего транспорта. Ни звуков музыки, ни топота ног. Такое ощущение, что меня обложили ватой, как хрупкую ёлочную игрушку. То ли, чтобы защитить меня от чего-то нехорошего, то ли, чтобы отвлечь от чего-то важного.

Я оглядываюсь по сторонам в недоумении. Вижу, что всё залито призрачным зеленоватым светом, как бывает, когда смотришь из темноты в спящее окно дома, в котором погашен верхний свет. но мерцает свет экрана. Такое же мерцание разливается над моей головой.

Я поднимаю взгляд. Небо. Вот откуда мерцание. В плоском сером небе, как на огромном мониторе, разливается странное северное сияние. В абсолютной тишине бесконечной рекурсией разворачиваются огромные рулоны

зелёной ткани. Это сполохи энергетических полей, занавесь из магнитного поля, которая не укрывает город, а словно что-то скрывает по ту сторону.

Как зачарованный я бреду по направлению к воде - благо, идти совсем недалеко. Мне кажется, что с набережной я смогу разглядеть небо лучше. Безмолвный танец зелёных фей зачаровывает меня. Я должен разгадать его, понять, что всё это означает. Во сне мне не приходит в голову прежде вернуться в кафе, позвать Марину или хотя бы схватить официанта или посетителя за руку, убедив выглянуть со мной на улицу, чтобы убедиться, что я не сошёл с ума.

Я иду к набережной. По пути туда мне по-прежнему не встречается ни одна живая душа. Я перехожу дорогу, оставляя по левую руку и позади небольшой храм. На середине проезжей части - это я иду через большую улицу, что выглядит непривычно без потока машин, но с работающими светофорами, - я затылком ощущаю колебание воздуха. Со стороны храма, оставшегося у меня за спиной, доносится тонкий хрустальный звон. Так может звенеть ножка дорогого бокала, если её переломить. Это прощальный звон. Звук, убеждающий в том, что обратного пути нет, потому что склеить то, что разбито, не то же самое, что сохранить в целости.

Волосы у меня на затылке приподнимаются, как будто кто-то провёл у меня за спиной палочкой, накопившей электрический заряд - такие штуки, помнится, проделывали мальчишки в школе, когда натирали эбонитовые палочки себе о волосы. Я хочу обернуться - и в это мгновение со стороны Невы доносится гулкое эхо: что-то треснуло, и

размер того, что сломалось, судя по глубине и силе звука, должен быть впечатляющим.

Я внезапно вспоминаю запавшую мне в память фразу из старого фильма Владимира Бортко “Собачье сердце”. Эта фраза, явно не без сарказма в отношении разного рода пророков, вложена в уста кухарки из дома профессора Преображенского: “Истинно вам говорю: 4 мая 1925 года земля налетит на небесную ось!” Звук, который я услышал, могла бы издать та самая земная ось, будь она на самом деле у Земли как физический объект.

Я понимаю, что даже во сне не 4 мая, и точно не 25-й год. Год, как и в реальности, 2018-й. А день, День - это я понимаю как-то сразу - 14 июля. Более точное время я не могу определить, но ближе к вечеру.

Вслед за громким треском, прилетевшим со стороны Невы, я слышу новый звук. Так шумит поток воды, когда он движется на большой скорости навстречу наблюдателю, в роли которого в этом сне выступаю я один-единственный, за неимением в пределах видимости кого-то ещё. Впрочем, так может звучать, если слышать этот звук с довольно большого расстояния, многоголосый хор людских голосов. Так кричат, например, на футбольном матче, когда накал поединка двух команд на поле достиг наивысшей точки, и болельщики на трибунах, что называется, неистовствуют.

То, что это всё же не футбольный матч и не людские голоса, я понимаю очень скоро. Свет в небе вдруг замирает, словно северное сияние поставила на паузу длань бога. Тканевые завесы мерцающего малахита замирают. Одновременно с этим за парашютом набережной, где

спокойно несёт свои чёрные воды приручённая Нева, вздымается водяной горб. Такое ощущение, что где-то посредине речного русла две невидимые руки развели поток в разные стороны, как две портьеры, а затем снова резко свели их вместе, вызвав эффект волны.

Волна, поднимающаяся из реки, наливается мрачной чернотой и при этом отражает, как в тёмном экране выключенного телевизора, сияние с неба. Запоздало я понимаю, что никакой не малахитовый оттенок у этого ненастоящего северного сияния. Это скорее свет от фонариков мертвецов, которые бродят лунными ночами по заброшенным кладбищам.

Этот свет, отражённый от отдающего нефтяными бликами чёрного водяного вала, как будто радуется: “Вот ты и попался. Тебе конец!” Я ощущаю первобытный, практически животный ужас, как пещерный человек ощущает страх перед разгулом природной стихии. Мне кажется, что меня вот-вот подхватит как пёрышко или щепку, раздавит о каменные стены искусственного ущелья из фронтонов домов, скалящих пустые глазницы окон. Запоздало я понимаю, что ни в одном из домов, мимо которых я проходил, не горит свет.

Я поворачиваюсь и бегу. Сначала по тротуару, затем выскакиваю на дорогу, чтобы не споткнуться о фонарные столбы и порожки заведений: тротуар на проспекте узкий, с одной стороны дома, с другой - множество безмолвных, брошенных людьми машин.

Бежать по проезжей части, впрочем, мне не очень комфортно. Привычка - вторая натура. Я перемахиваю через

низкое ограждение центральной части проспекта, где с обеих сторон - полосы для движения машин, а посередине - аллея со скамеечками. Я бегу по этой аллее, боясь повернуть голову, чтобы, во-первых, не споткнуться, во-вторых, не увидеть того кошмара, что меня преследует.

За моей спиной слышен ужасный скрежет. И нечто, напоминающее отдалённый грохот барабанов какого-нибудь африканского племени, собравшегося на войну с соседями. Я был в Африке, я посещал затерянные в глубине континента поселения племён, люди которых предпочитают жить так, как жили их предки, сотни, а то и тысячи лет назад. Я слышал, как звучат их барабаны - и исполняющие мирные песни, и угрожающие войной. Это не тот звук, этот - куда более страшный.

Я оборачиваюсь, и источник звука обретает кошмарную форму. Меня преследует чёрный водяной вал, срывающий и увлекающий за собой вывески с фасадов, козырьки навесов, скамейки, уличные урны. В глубине этого потока я успеваю заметить кружащиеся волчками автомобили; они следуют за волной, сталкиваясь друг с другом и соревнуясь, кто первый ударит меня в спину. Впрочем, фаворит один: это бронзовый кораблик, стоявший четыре последних года на набережной, кормой к проспекту, по которому я бегу в ужасе, бушпритом к водам Невы. Теперь этот кораблик, линейный корабль "Полтава", если точнее, почти достал меня иглой носового сооружения. Вот-вот меня проткнёт бушпритом...

И в тот момент, когда я в холодном поту просыпаюсь, последнее, что остаётся из увиденного мной кошмара, как

чьи-то большие руки подхватывают меня и подбрасывают над преследующим меня корабликом, волной, крышами...

Всё это я вспоминаю, когда стою на одной из петербургских крыш в центре города. Поводом стала редкая встреча с Костей.

Костя мой друг по жизни и товарищ по главному увлечению, которое в некотором смысле наше общее ремесло. Мы оба профессиональные путешественники.

Наверное, я не очень хороший рассказчик, раз не начал с самого начала. До того, как мы с Костей оказались на крыше в центре Петербурга, наслаждаясь городскими видами в вишнёвой дымке закатного солнца, до того, как я встретил интересного и загадочного проводника по верхним ярусам петербургских улиц, до моего сна и даже до первых предчувствий был один разговор. Посреди африканской саванны, где вокруг всё было в иной дымке - жарком мареве от дыхания огромного древнего континента, где до сих пор многое осталось таким же, как было в тот день, когда первый предок современного человека ощутил в себе новые силы. Силы двигаться вперёд.

Разговор, благодаря которому мы стоим на крыше, состоялся между мной и ним, когда он отдыхал между двумя вылазками в большой мир у себя дома, а я, если можно так сказать, между двумя полюсами, где-то между средой обитания пингвинов и внутренней Монголией своих снов. Я не помню его дословно, но примерно пересказать есть смысл, потому что иначе будет непонятно, что произойдёт позже и почему вообще Костя оказался в Петербурге, в разгар чемпионата мира по футболу и накануне события,

которое, как в моём сне, готовилось стереть город... нет, не с лица земли. Пока я всё не запутал, вот о чём мы говорили тогда с Костей.

И он, и я будем всё отрицать - в свете событий, о которых человечество даже не догадалось, хотя всё произошло и продолжает происходить прямо у них перед глазами. В этом нет ничего секретного, никаких заговоров спецслужб. Просто есть вещи, которые могут увидеть, осознать и понять такие, как я и Костя. Путешественники. Путешественники между границами. Между границами стран и миров.

Как и я, Костя видел весь мир и знает, насколько он хрупок и как силён, и силы эти дремлют. Пока они спят, жизнь на планете в безопасности. Ощутить дыхание спящих и узреть узор, который сплетается из их снов, оберегающую сеть или защитный кокон - как ни назови, можно, научившись преодолевать границу между явью и сном и при этом оставаться в сознании. Как умею делать я, как давно делает моя подруга Алина, как научился делать давным-давно Костя и не открывался мне, потому что всё должно происходить вовремя. И до всего следует дойти самостоятельно, чтобы к моменту, когда твоё восприятие мира изменится, ты был готов и не терял ни минуты.

По той же причине я не собираюсь открывать всё то, о чём знают путешественники между мирами, тем, кто предпочитает жить в пределах привычных маршрутов. Не из-за снобизма, не из желания выделяться из толпы - тех, кто не видит и не желает видеть, я не смогу убедить в том, что всё это реально, всё вполне серьёзно и во всём есть смысл. Нет смысла кричать “Волки! Волки!”, когда светит солнце и

миллионы людей слились в едином ликовании, когда футбол - всего лишь повод радоваться жизни и на время забыть о том, что все мы разобщены, что между нами куда больше границ, чем мы можем перейти.

Вот по этой причине я предпочту, чтобы всё, что произошло, вы считали занятной фантастической историей, и не более того. Примерно тем же самым руководствовался в своём решении не открываться мне раньше времени Костя. И уж точно именно поэтому мы с ним решили спасти мир вдвоём. Ну, почти...

ГЛАВА 2. РЕ

- Сколько стран в мире?
- Два. Пять. Два. И за стеной одна.
- Сколько из них - самые любимые?
- У тебя одна, у меня одна.
- И это всё?
- Есть ещё, но для всех едина она.

Тайное приветствие членов закрытого клуба путешественников? Да, что-то вроде этого. У напарников должны быть кодовые фразочки, которые имеют смысл лишь для них.

Нашей общей фразой мы обмениваемся с Костей при встрече, обычно - без свидетелей, чтобы напоминать себе о двух важных вещах. Первая: в странствиях хорошо, а дома лучше. Наша любовь к путешествиям основана на том, что нам есть куда возвращаться после каждой поездки. Иметь дом для путешественника - самое главное, иначе все красоты мира ни к чему, если их увезти в чемодане в виде сувениров и в сердце - в виде воспоминаний, но не с кем будет поделиться. С другой стороны, это очевидная истина для всех, кто считает, что владеет неким сокровищем. Без возможности с кем-то делиться, любое накопление - путь в никуда, стремление к нулю.

Вторая важная вещь - она уже не так очевидна. Мир снов - единое пространство, в которое попадают люди всего мира каждый раз, как приходит время отправляться ко сну. Мы - сновидцы - отвечаем за этот мир, надеясь, что по ту сторону, в мире яви, люди соберутся я с силами и хотя бы через сны осознают, как важно, чтобы наш общий реальный, разделённый границами, объединился хотя бы ради общей цели - этот мир сохранить.

Сны - это территория откровений, и мы прилагаем все силы, чтобы эти откровения не пропадали даром. Раньше такие вещи называли вещими снами, божьей волей, касанием ангелов и так далее. На самом деле, много веков сновидцы стараются уберечь людской мир от уничтожения. В определённых местах земного шара, в точках силы, находятся специальные отделы, руководители которых управляют действиями “оперативников”, то есть полевых сновидцев.

Оперативные сотрудники отправляются, когда это необходимо, из созданных своими волей и фантазией территорий в сновидениях в общее пространство, где видят сны миллиарды людей - и не только. Сны видят и другие существа. И не только представители животного мира. Сны видят растения. Сны видят города - средоточия энергии, создаваемой людскими разумами. Сны видит наша Земля, только разные участки её мозга спят по-разному.

“Мозг” планеты для нас - земная кора, которая соприкасается со всем, что создано человеком, как и с самими людьми. Сны отдельных участков планетарного разума зависят от того, что происходит на поверхности.

Электрические импульсы внутри человеческого мозга равны импульсам происходящих событий и явлений в мире на поверхности планеты. Мы - источники снов нашей планеты. Мы же источники её кошмаров.

Отдельные участки этого планетарного “мозга” важнее прочих. Это города, отдельные “мосты”, по которым мозговые импульсы, собираясь в пакеты данных, движутся к центру, к ядру планеты. У этих городов-мостов есть у каждого своё особенное звучание, своя нота, свой код, своя мелодия, притягивающая определённые наборы импульсов.

Если я попытаюсь чуть глубже и подробнее вникнуть в эту схему, рискую сломать мозг себе и вам, потому самое главное, что нам всем необходимо знать, прежде чем снять историю с паузы и продолжить её. Несколько моментов, которые помогут разобраться в происходящем и объяснят при чём здесь города, музыка, сны. Главный элемент, вокруг которого сосредоточена основная интрига - это ключ к тем самым мостам, по которым поступает информация в ядро мозга планеты. Города. Ноты одной невероятно сложной и прекрасной мелодии планетарного масштаба. Люди, как носители самых беспокойных разумов, подобно ядерным батарейкам, питают эту планету. Но, как и в случае с ядерной энергией, необходимы адаптеры, особые устройства, преобразователи энергии, чтобы всё не взорвалось, и накопленная энергия служила во благо. В случае с людскими разумами этими преобразователями служат созданные человечеством сообщества - совместные поселения: деревни, посёлки, хутора, городки, города, мегаполисы. Вариантов таких преобразователей множество, даже отдельная

человеческая семья может им быть, но цель одна - аккумулировать энергию, собирать её, но не просто бездумно запастись, а преобразовывать через “переходники” сновидений в ту силу, которая движется дальше, к ядру планеты, наполняя её столь необходимой для нашей старушки Земли сонной энергией.

Люди накапливают во время бодрствования силы, которые преобразуются через сны, которые мы видим, в необходимое для нашей планеты уютное одеяло. Накрывая её этим одеялом, мы не даём её разуму пробудиться ото сна, в котором она видит всех нас и весь созданный на её поверхности мир. Через мосты-преобразователи энергии в виде компактных и больших сообществ, которые мы называем городами, наши сны, перекодированные через отдельные ноты музыкального кода ДНК городов в ноты одной общей мелодии колыбельной для планеты, уходят к ядру. Если одну или несколько нот и общей мелодии убрать, музыка перестанет быть гармоничной, она превратится в какофонию. Такая мелодия - источник кошмаров для спящего разума. Заслышав, как изменилось звучание колыбельной, планета начнёт беспокоиться, ворочаться во сне. Стоит ли напоминать, что пытается сделать человек, когда видит кошмар, когда что-то в самом сне или извне, как сигнал из внешнего мира, вызывает в сновидении нечто тревожное или откровенно страшное? Человек всеми силами стремится сбросить с себя сонное оцепенение, убежать от сна и покинуть территорию сновидений. Он желает проснуться.

Когда человек просыпается, он сбрасывает с себя одеяло. Может упасть с кровати, может пораниться. В общем, его ожидает встряска, как ни крути. Представьте себе, что человек - это планета. Вот он спокойно спит, плавно перемещается по орбите сновидений. Всё, что существует на его поверхности, спокойно существует в своей сиюминутности, ведь секунда сна планеты - это минимум поколение для населяющих её поверхность существ. Что произойдёт, когда планета захочет проснуться и сделать это резко?

Землетрясения, огромные приливные волны, цунами, извержения вулканов, сдвиг тектонических плит. Конец времён. И он близко. Землю кому-то крайне хочется разбудить.

Ноты отдельных городов стали гаснуть по всей планете с первого дня прошлого века. Тогда из мира сновидений в мир яви пробралось нечто, чему любой ценой захотелось разорвать связь со своей родиной. Об этом мне рассказала Алина, в некотором смысле мой босс в моей невидимой работе на благо нашего мира и всей территории сновидений. К этому разговору мы ещё придём, для начала необходимо ввести в курс дело, чтобы было понятно, что вообще происходит.

Из её рассказа я понял, что и мировые войны, и более поздние теракты, как и любые попытки вывести из равновесия человеческое общество в разных частях света, - всё это части одной сложной картины, рассмотреть которые можно только владея полной информацией о всём полотне. Примерно так же работает любимая картина Лины - полотно

Поллока, которое для непосвящённого не более чем нагромождение пятен, линий и маков разных цветов. Для Лины это одно из величайших произведений искусства, потому что по нему можно прочесть о планах по уничтожению мира. И по нему же можно выяснить, если расшифровать все элементы, как этот мир спасти и как найти тех, кто желает миру иного исхода.

Это полотно представляет собой модель двух миров - яви и сновидений. По этому полотну можно прочесть прошлое и будущее, но оно не остановит врага. Сделать это придётся кому-то и нас, сновидцев и путешественников, исходивших вдоль и поперёк оба мира.

Нам придётся остановить тех, кто крадёт голоса городов, кто лишает мелодию, усыпляющую нашу планету, гармонии, кто дёргает из этой мелодии по нотке, заточая в хрустальные шары.

У Лины есть полная информация о враге, но нет понимания, как самой остановить его. У меня, благодаря моим снам, это понимание есть, и оно заключается в том, что большую часть дела должен сделать я. Но у меня нет оружия, которым я могу противостоять враждебным замыслам. Это оружие есть у Кости. Он обрёл понимание, как его создать, в одном из снов в одном из особенных мест на планете - на острове Пасхи. Втроем мы - сила, способная остановить конец света. На самом деле, это не совсем так.

Нам нужны ещё помощники. И они у нас появятся. Мне нужно понять, с чего начать спасение мира. Как определить то ключевое событие, помешав осуществлению которого, я смогу нарушить планы злодеев. Для этого мне предстоит

узнать одного удивительного человека. Знакомство с ним перевернёт в очередной раз моё представление о мире и о роли и месте человека в нём. Также не обойдусь я без подсказки двух близких мне людей. Один - из мира яви, второй - из мира снов.

Вот теперь все вводные по самому важному заданию в моей жизни получены, осталось только задействовать всех действующих лиц по порядку. Один из важнейших героев истории - Костя. Переломный момент - встреча в Африке. Первые реплики той встречи уже произнесены. Протокол “Хрустальные города” получил код, код принят, всё начинается.

ГЛАВА 3. МИ

Над саванной полыхал закат. Разгорячённая за день земля отдавала дань уходящему в страну снов солнцу, воспаряя в медленно остывающий воздух облачками дыхания миллионов живых существ, населяющих эту безбрежную территорию.

Я стоял неподалёку от джипа с сопровождающим меня сотрудником природного парка и ждал Костю. Он появился в весьма удачный момент: последние лучи солнца, погладив на прощание эту жестокую и прекрасную землю, скрылись, вслед за самым светилом, за линией горизонта.

В этот же момент за моей спиной остановился джип, из которого выбрался Костя. Скрип тормозов известил о его прибытии, поскольку его самого я бы ни за что не услышал. Подобно всем профессиональным путешественникам Костя двигался абсолютно бесшумно.

- Ты никогда не думал о том, чтобы бросить свой обычный бизнес и заняться чем-то более подходящим тебе? - спросил я его, не оборачиваясь и продолжая впитывать глазами удивительный африканский пейзаж.

Смешок за моей спиной означал, что шутку Костя оценил. Более того, он снова всё понял сразу.

- Никак ты снова вербуешь меня в свой клуб сонных ниндзя?
- Почему ты называешь нас ниндзя? - ответил я вопросом на вопрос.

Он хмыкнул:

- Потому что вы невидимки. Творите свои великие дела не под покровом ночи, конечно, но там, где любой человек - весьма ненадёжный свидетель, потому ничего не вспомнит, когда проснётся. А даже если и вспомнит: кто всерьёз воспримет рассказ о том, что в чьём-то сне может происходить нечто, что влияет на реальность?

Мы любили вести бесконечный шуточный спор о моей работе как “полевого агента” североевропейского отделения министерства сновидений с тех пор, как Алина предложила меня стать частью чего-то большего, раз у меня, благодаря наследству, есть способность латать бреши в ткани сновидений.

Костя тоже всё это прекрасно умеет делать, но считает, что от него пользы будет больше в качестве стороннего советника, чем сотрудника в штате.

- И ты же знаешь, что я уважаю то, что вы делаете, но мне хотелось бы оставить всё так как есть сейчас. У меня есть своя работа, а помимо неё я хочу оставаться свободным и путешествовать - как наяву, так и во сне - не по чьему-то указанию, а по велению своего сердца.

Костя, как обычно, начал объяснять свою позицию. Она весьма здравая, как и всё, что он говорит, думает или делает, но что-то не даёт ему покоя. Потому что я знаю, что он скажет сейчас.

- Впрочем, ты знаешь, как я уважаю то, что делаешь ты и другие, подобные тебе... Подобные тебе и мне. Но ты выбрал жить ради других, а я выбрал жить. Просто жить. Ради того, чтобы иметь возможность делать всё то, что мне нравится. Возможно, когда я стану старше, то размякну и примкну к вам. Пока же достаточно с вас и того, что я чертовски хорош в том, что я делаю...

Люблю его прерывать на этом моменте, что не премину сделать и сейчас. Я поворачиваюсь к нему и раскрываю руки для объятий.

- Министерство снов ценит твою помощь, Костя. Я ценю ещё больше. Потому что мы с тобой особенные. Мы путешественники, каких стоит поискать в этом мире.
- Это точно.
- А что делает нас особенными?
- Начни ты.

Нам обоим не надоедает играть в эту игру, потому что мы не просто путешественники. Не просто люди, которых объединяет общее тайное знание. Мы - друзья.

- Сколько стран в мире?
- Два. Пять. Два. И за стеной одна.

- Сколько из них - самые любимые?
- У тебя одна, у меня одна.
- И это всё?
- Есть ещё, но для всех одина она.

Я хлопаю его по подставленной ладони. Мы обнимаемся. Так делают напарники, потому что дружеские объятия - та вещь, которая служит спасательным кругом в этом материальном мире, где всё зыбко и ненадёжно.

- Как дома? - я спрашиваю его о такой простой и привычной вещи, но в этот момент в звук моего голоса вплетается рык какого-то крупного хищника, почуявшего, что настало его время.
- Да всё хорошо. Тебе привет от моих, - Костя отгоняет от своих очков какое-то насекомое. - Думаю, раз мы встретились, нам пора в лагерь, там спокойнее как-то. Не стоит ходить по ночным тропам хищников, если не хочешь проверить своё везение.
- Да, лучше спуститься вниз. Поговорим в отеле.

Мы садимся в один джип, в котором приехал я. Свой джип Костя отпускает.

Пока едем к отелю в виде домиков на деревьях, не выдерживаем и начинаем разговор, ради которого и случилась наша встреча. В этот раз мы с Костей двигались разными маршрутами, срок его очередной поездки подходил к концу, и он ради разговора сделал небольшой крюк.

Внимательный читатель может заметить: странно, а почему не встретиться во сне и не поговорить? Во сне не

важно, сколько у вас свободного времени насколько вы далеки друг от друга в реальности. Всё так, но разговор этот нужен ещё и для того, чтобы Костя продемонстрировал, что он привёз с острова Пасхи. Он до сих пор не показывал мне, что он там нашёл, и я ещё тоже не знаю, что он хочет мне показать. Я был тем внимательным читателем, кто как раз и настаивал на том, чтобы Костя не тратил время, выгадывая момент для срочной встречи. Я предлагал встретиться на территории снов, но Костя сказал, что у него кое-что есть для меня.

Пока мы пробираемся через просыпающуюся для ночной охоты саванну, Костя первым забрасывает удочку.

- Как съездил к пингвинам?

Я до саванны, побывал на южной оконечности континента, с которой рукой подать до Антарктики. Действительно, там были пингины. Мои фотографии в компании с этими существами, я отправлял своим знакомым. Переслал и Косте. Он прислал мне ответ: “Знаешь, в чём смысл полярных шапок Земли?” Я тогда ответил в шутку: “Не дают старушке Земле перегреться из-за того, что ты по её поверхности слишком активно передвигаешься?” Ответ пришёл сразу же: “Мыслишь в верном направлении. Задай сегодня себе этот вопрос перед сном. Расскажешь мне при встрече, что увидишь”.

Фразу о пингвинах я посчитал сигналом.

- Да, с пингвинами интересно, но ещё интереснее был сон. По твоей наводке.

- И что же за истина тебе открылась?
- Я понял, что был близок к истине. Полярные шапки остужают горячую голову. А горячей она становится из-за таких, как ты.
- Я хороший.
- Да знаю: просто шучу. Я имел в виду, что люди и вся человеческая цивилизация не просто так источники самого большого беспокойства для безмятежности планеты.
- А точнее?
- Я понял, что наше благополучие зависит от того, насколько глубоким и спокойным сном Земля спит.
- И осознал, что всё то, что открылось тебе в последнее время, явно не случайно?
- Всё так.

Я посмотрел на Костю, но в темноте по его лицу было не прочесть его эмоций. Скорее всего, он всё знал уже давно, но по обыкновению, как мудрый наставник, должен был навести на мысль своего ученика, но не давать ему сразу готовый ответ.

- Всё так, - повторил я. - Я понял, что мои опыты с осознанными сновидениями были нужны для чего-то куда более масштабного. Я понял, почему людям нужен сон и почему спит Земля. Главное, я осознал, по какой причине ей лучше всего оставаться в состоянии сна. И всё это благодаря твоей наводке.
- Не благодари, падаван.

- Учитель, вы бесконечно мудры в своём упорстве. В упорстве дать мне время непременно до всего дойти своим умом. Даже если счёт идёт на секунды.

Костя блеснул улыбкой во тьме. И издал звук, напоминающий жужжание светового джедайского меча.

- Отсеки всё лишнее и когда нечего будет убирать, тебе откроется истина.
- И она открылась.
- Интересно, как ты её понял. Поделись.
- Да, сейчас.

Я задумался на минуты. В этот момент джип въехал на освещённый мобильными прожекторами участок. Мы прибыли к отелю.

- Пока ты думаешь, как короче и точнее изложить открывшуюся тебе истину, предлагаю сделать перерыв. Встретимся за ужином.

Костя как всегда прав. Мне надо было время подумать, ему - умыться с дороги и что-нибудь перехватить.

Через час с небольшим, в уютном домике, на который не взберутся наиболее крупные и самые опасные хищники этих местах, мы, поедая свежие фрукты, продолжили прерванный разговор.

- Так что же ты узнал, Саша? - Костя ловко двумя пальцами ухватил ломтик арбуза, из которого предварительно удалил все семечки.

- Я понял, что мы спим и видим сны для того, чтобы охранять покой нашей планеты. Во время сна человеческий разум освобождается от любых условностей реальности и ограничений физического тела. Когда мы спим, мы высвобождаем огромную энергию. Этой энергией мы питаем сны планеты. Однако в чистом виде энергия человеческого разума таит в себе больше опасности, чем ядерная бомба.
- И как её укрощать?
- Её надо охлаждать. И охладителями служат места, которые мы выбираем для жизни.
- Что ты имеешь в виду?
- Я говорю о местах, в которых мы живём. Я вот живу в Петербурге. Как и ещё несколько миллионов человек. Все эти люди спят, видят сны. Но видят сны они, образно говоря, в одном общем пространстве, под невидимым защитным куполом одного города. Сила города не позволяет этой энергии рассеиваться, уходить в никуда, и одновременно с этим не позволяет ей в необработанном сыром виде поступать как сонное топливо на благо спокойных сновидений планеты. Под хрустальной крышкой городов энергия превращается в то, что необходимо нашей Земле. Мы кормим нашу общую мать своими снами. А она в благодарность за это спит и видит сны о нас. Пока она видит нас во снах, мы существуем. Такая вот картина мироздания.
- Картина прекрасная. Умиротворяющая. Ведь нет ничего более мирного, чем спокойный сон.

- Это так. Но мы мы можем всё легко нарушить, если будем, как бы это сказать, горячиться.
- В каком смысле?
- Человеческая цивилизация слишком шумная. Слишком беспокойная. Даже своими снами, даже пропуская их энергию через купола-преобразователи наших городов, мы рискуем в любой момент нарушить ритм сна планеты. В нас слишком много жизни.
- И мы занимаем много места.
- И это тоже, но наша активность нам больше вредит, чем помогает. Земля порой начинает просыпаться, и тогда нам начинает угрожать серьёзная опасность.
- Все катаклизмы, что происходят в мире, не более чем попытки планеты стряхнуть с себя сон?
- Совершенно верно.

Произнеся это, я понял, что Косте не нужно моё подтверждение его словам. Он это уже и так знает, просто хочет, чтобы я сказал, что ему и так известно, сам, своими словами.

- Прости. Всё время забываю, что из нас двоих очки учителя носишь ты.

Костя усмехнулся.

- И не вздумай их у меня отобрать.
- А если однажды попытаюсь?
- Ты же знаешь, что у меня всегда с собой запасные в багаже.

Разрядив обстановку шуткой, стало легче говорить о том, что я тогда увидел во сне. Как и стало проще осознавать всю глобальность всемирного замысла, в котором, тем не менее, припасена роль и для меня.

- Так вот, о полярных шапках. Они нужны как охладитель. Чтобы у планеты голова не перегрелась и в эту голову не полезли тревожные мысли, например, идея избавиться от человечества.
- Для планеты мы не более чем мгновение. Жила ведь она как-то до появления людей. Ничего ей не мешало.
- С этим трудно спорить, потому что всё так и было. Человечество насчитывает на фоне общей истории Земли в четыре с лишним миллиарда лет даже меньше одного мгновения. Только никогда до человечества Земля так сладко и долго не спала. До человека планета то и дело просыпалась, устраивая перезагрузки жизни на её поверхности. Будь динозавры чуть поспособней, глядишь, избежали бы столь печального конца.

Я вздохнул, сожалея о незавидной участи динозавров и ещё более беспокоясь об участи человеческой расы.

- Люди совершенно зря не беспокоятся о том, что полярные шапки Земли понемногу уменьшаются. Повышение уровня мирового океана - это не самое страшное последствие таяния льдов. Полярные шапки - это как холодный компресс на виски. Всё то, что происходит в мире - залитые электрическими огнями ночные города, освоение ресурсов, не умолкающий ни

на секунду гомон миллиардов человеческих голосов, - всё это изрядно досаждало нашей матери, которая просто желает отдохнуть, так как она уже изрядно пожила на этом свете и в этой вселенной. Если полярные шапки растают, нас затопит слезами планеты. Мы начнём барахтаться в этом ужасе, нам станет не до сна, а даже и спи мы, как прежде, города будут разрушены приливными волнами. Не будет перерабатываться энергия снов, она начнёт поступать в ядро Земли в чистом виде. Неконтролируемая реакция начнётся из-за этого, и всему настанет конец. Не только человечеству, вообще всему, и больше не буду рычать в густой тьме африканской саванны вышедшие на ночную охоту львы.

После этой длинной и эмоциональной реплики я замолчал, переживая ещё раз увиденное мной тогда во сне. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая стрекотом насекомых за забранными сеткой дверными и оконными проёмами.

Я молчал, несколько озадаченный, если не ошарашенный тем, что мне открылось. До тех пор, пока я не произнёс это вслух, мне казалось, что это всё ненастоящее. Теперь же я поверил в это сам. Молчание Кости подтверждало мою правоту.

Впрочем, Костя молчал более значительно. Он приехал на встречу со мной не просто ради того, чтобы услышать то, что ему и так известно.

- Ты закончил излагать? - спросил он у меня после довольно продолжительного молчания.
- Нет, есть ещё кое-что.
- Что именно?
- То, ради чего был весь этот сон. Полагаю, что ради этого был и твой намёк о полярных шапках.
- Так...
- Как бы покороче изложить. Наверное, так: не таяние полярных шапок главная проблема. Точнее, они тоже проблема, но дело в другом: кто-то гасит города, забирает их силу, выпуская в мир всё больше неконтролируемой энергии снов. Земля стала испытывать недостаток сонной силы, а вот на её поверхности творится сущее безобразие - настоящий разгул сил. Из-за того, что энергия снов стала всё чаще пропадать впустую, шапки снова начали таять и с куда большей скоростью, чем раньше.
- Что же тому причиной?
- Как будто ты не знаешь.
- То, что я знаю, - это не то же самое, что ответ для тебя.
- Ты прав.
- Так скажи же, в чём главная проблема? Что ты понял из увиденного сна?
- Сон был только триггером. Он помог мне осознать куда более сложные процессы. Ну, и Алина помогла. Я с ней встречался минувшей ночью...
- Куда она в этот раз тебя пригласила? - Костя был осведомлён о манере Лины устраивать ночные

совещания на территории сновидений в самых неожиданных местах, повторяющих реальные места, существующих наяву.

- Мы были на концерте Моцарта.
- Того самого Моцарта? - Костя выпрямился в кресле, в котором находился в расслабленном состоянии всё время, пока я излагал историю своего сновидения.
- Того самого. Впрочем, к делу это не относится. Если хочешь, я позову тебя в одном и снов на очередной концерт маэстро.
- Прости. Продолжай.
- Ничего. Так вот, Алина помогла мне узнать, откуда доносится самый неприятный звон. Согласно данным возглавляемого ею отделения снов подняли голову Сноголовые. Они давно ищут выход с той стороны в наш мир. Им надоело править кошмарами только на территории сновидений, они очень хотят вырваться из человеческих фантазий в человеческую реальность.
- Думаешь, в этот раз всё настолько серьёзно?
- Да, всё ещё хуже. Из разных отделений со всех континентов последние несколько лет поступает тревожная информация. По всей планете умолкают города. Внешне с ними всё в порядке: они так же стоят себе, даже продолжают расти, но они больше не сдерживают энергию снов, они позволяют ей рассеиваться. Ладно бы она просто развеивалась, как утренний туман. В том и дело, что она исчезает бесследно, но слишком быстро. Кто-то собирает её. Собирает явно для определённой цели.

- Зачем?
- Чтобы рвануть всё сразу в определённом месте. Но не это важно.
- Наконец нашли способ взять одного из слуг?

Я опешил. Вот так дела!

- От... откуда ты знаешь?
- Не забывай, с кем имеешь дело.
- Да, что это я, в самом деле. И всё же.
- Ну...
- Алина с тобой тоже говорила.
- Не забывай, что она твой друг, а ты - мой друг.
- Да, я всё время забываю.
- А я буду рад тебе ещё раз напомнить. Нет, я узнал не от сонной начальницы...
- Она не сонная.
- Ты же знаешь, что я шучу.
- Всё время забываю.
- Ой, да брось...
- Уже. Прости.
- Спасибо. Если я скажу тебе, откуда узнал, ты не согласишься.
- Это я-то...
- Ну смотри, - он прокашлялся, чтобы голос звучал более убедительным. - Мне поведали об этом истуканы.

Я рассмеялся. Потом вдруг понял, о чём он говорит.

- Постой, ты говоришь о тех самых?
- О них.

- То есть я был прав, и истуканы острова Пасхи - это стражи?
- Я помню твою теорию о том, что истуканы вкопаны в землю именно на острове Пасхи не просто так. Но они не совсем стражи.
- Но и не совсем истуканы...
- Здесь правда твоя. Я не зря сначала хотел послушать тебя, чтобы не тратить время и силы и не рассказывать то, к чему ты можешь оказаться не готов. Конечно, я не просто так намекнул тебе узнать побольше об истинном предназначении полярных шапок. Знание поможет тебе принять ту информацию, которую привёз я. И ты поймёшь, почему я непременно должен был привезти её лично, а не встретиться с тобой во сне, как ты предлагал.
- Сноголовые... Ты нашёл средство? - я который раз за вечер удивлялся тому, что говорит Костя.
- Тихо. Не шуми, - он встал, подошёл к двери, прислушался, затем поочерёдно подошёл к каждому из окон. Убедившись, что за ними никто не спрятался, он вернулся в кресло, взял веточку белого винограда и продолжил говорить, отщипывая по ягодке между фразами.
- Я не просто выбрал Чили в качестве государства, которое я посетил. Меня интересовало конкретное место - этим местом был остров Пасхи. Я попал на остров Пасхи накануне особенной ночи. Есть у местных жителей один ритуал, о котором не прочитаешь в популярных путеводителях. Чтобы узнать об этом

ритуале, надо уметь слушать и видеть. Ритуал позволяет общаться, как говорят местные, с духом хранителей вселенной. В роли хранителей - те самые истуканы.

- Вот оно что.
- Да, всё верно. Только есть одно уточнение: Истуканы - это не духи, это, как бы сказать, интерком. Средство связи между ядром планеты и внешним миром. Работает этот интерком только при соблюдении целого ряда условий: нужная фаза Луны, направление морских течений, положение звёзд и много чего ещё. В подробности лучше не вдаваться, тем более, я сам не до конца понял, как это работает. Важно другое, что в одну особенную ночь можно услышать голос Земли. Этим остров Пасхи особенный.
- Вот это да!
- Подожди удивляться. Ты ещё больше удивишься, если я тебе скажу, что таких мест на Земле не одно. Только до Пасхи добраться намного легче, чем до любого другого.
- Поведай же тайну, учитель. Открой места.
- Знания о том, где они расположены, тебе не помогут ни в малейшей степени. Одно из них на южном полюсе Земли. Второе - это остров Пасхи. Третье - вершина Эвереста. Четвёртое - дно Марианской впадины.
- Маловато пользы от таких мест, ты прав. Не хочет, видимо, планета ни с кем общаться.
- Ты не понял. Это тебе не телефонная связь с прародительницей жизни и не интернет-соединение.

Это каналы связи с внешним миром, но не для того, чтобы ты мог поболтать со старушкой по-свойски. Эти точки выхода расположены на пересечении важных энергетических полей и находятся в особенных местах. То, что всё это, мягко говоря, неудобно расположено для людей, только их проблема, потому что эти зоны образовались задолго до того, как наши предки слезли с деревьев. А за миллионы лет до этого они находились в других точках, ещё менее приспособленных для человека: в жерле древнего супервулкана например или в месте разлома тектонических плит, медленно наползающих друг на друга, образуя своим движением горные цепи. Но не суть. Точки расположены таким образом, чтобы быть в стратегически важных зонах - на земле, под водой, в воздухе. На земле точки расположены в двух местах - одна в месте пересечения магнитных полей, которые не дают всему живому на планете сгореть в потоке космических частиц. Вторая земная точка в некотором смысле создана искусственно, самими людьми. В некотором смысле, чтобы принимать время от времени указания планеты, которая из состояния вечного сна руководит теми, от кого зависит, как долго она ещё будет спать.

Костя налил из запотевшей бутылки, стоявшей в ледяной бане, минеральной воды. Промочил пересохшее от долгого объяснения горло и продолжил:

- Истуканы острова Пасхи - это одновременно и устройства приёма-передачи сигнала, и дешифраторы,

и накопители. В общем, я не хочу грузить тебя техническими терминами, но задача у внешне простых каменюк, вкопанных в землю, весьма важная и ответственная. Потому что для нас с тобой сейчас важно не то, что они из себя представляют, а как они могут помочь.

- И как же?
- Всеми своё время.
- А времени у нас мало.
- Достаточно, чтобы успеть прочитать инструкцию по применению.
- По применению чего?
- Того, что я получил той ночью от истукан... от... в общем, когда я проснулся, то после разговора, который у меня состоялся с планетой, на которой я живу, я узнал и о том, что нам всем угрожает, и о том, что нам может помочь. Вот скажи мне: ты знал, что в некоторых из истуканов есть скрытые полости?
- В смысле?
- В самом прямом. Если произвести определённые манипуляции над некоторыми участками отдельных фигур идолов, можно задействовать портал. Портал к ядру планеты. Портал, ведущий к её голосу.

В этот момент я всё понял. Косте уже не надо было продолжать. Я понял, какое оружие мы получили, благодаря ему. Но не был уверен, что даже с помощью полученного средства мы остановим Сноголовых. Тем более, что их нельзя остановить ничем, что принадлежит нашему миру.

ГЛАВА 4. ФА

- Можешь не продолжать. Я понял, что ты получил на острове Пасхи.

Я не мог скрыть восторга в голосе от того, что я догадался сразу же, как Костя произнёс: “Голос Земли”.

- Ты не спеши так, Саша. Возможно, ты и догадался, но это ещё не значит, что ты одновременно с этим понял, как использовать то, что мы получили. Впрочем, бог с ним с поиском ключа к открытию интерфейса. Меня больше другой вопрос волнует: зачем Земле помогать тем, от кого столько проблем? Зачем ей давать в руки людям то, что сильнее всех религиозных символов и святынь, всех артефактов, вместе взятых?
- Видимо, планета понимает, что при всех минусах от существования на её поверхности человеческой цивилизации, то, что люди ей дают, перевешивает всё плохое, что от них Земля претерпевает.
- Это убедителен, но излишне оптимистичен. Земле ни тепло ни холодно от того, что на её поверхности существует какая-то жизнь, мнящая себя разумной. Дело в другом. Прежде, чем мы поговорим о том, что именно я получил и что с этим делать, я хочу, чтобы ты не разочаровал меня и догадался, что на самом деле планета, на которой мы живём, от нас хочет. Даю тебе

подсказку: помимо голоса, Земля обладает и другими качествами, присущими нам с тобой, к примеру, пусть и выражаются они в её случае несколько иначе.

Я задумался. Действительно, что такого мы можем ещё дать миру, взрастившему нас? Миру, который, несмотря на то, что представляет собой огромный шар из космической пыли, несущийся через вакуум, обладает признаками сознания, неизмеримо более масштабными, чем разум всего человечества.

Меня внезапно осенило.

- Кажется, я понял.
- Вот как? Ну, изложи, что ты понял.
- Смотри: всё просто. Ты сказал, что Земля обладает примерно теми же качествами, что и люди. Точнее, у неё есть сознание, и ему присущи те же качества, что человеческому разуму. У неё есть голос, она может общаться с иной разумной жизнью, хотя, подозреваю, что Земля давно и успешно общается со всем, что населяет планету, кроме нас. До нас ей трудно было достучаться. Но в этом нет её вины. Виновны мы, люди, потому что слишком громко разговариваем сами, когда надо было бы слушать. Но дело не в этом сейчас. Ты сказал, что Земля похожа на нас. Она, как и мы, спит и видит сны. Я сейчас только предполагаю, а ты поправишь меня, если я не прав, но есть у меня мысль, что Земля что-то такое увидела во сне, что заставило её беспокоиться. При этом проснуться она не может, так как другой частью сознания понимает, что тогда

случится. И продолжать спать как ни в чём не бывало, она тоже не может. При этом она давно ощутила, как нечто на поверхности Земли хочет заставить её проснуться, и уже успела понять, что за силы за этим стоят, чего добиваются и как им противостоять.

- Ты смотри: думаешь в верном направлении...
- Погоди. Я ещё не дошёл до главного. Итак: планета, даже продолжая спать, в силу развитости своего сознания, достигшего небывалых высот, особенно в сравнении с нашими умами, давно знает о том, о чём некоторые люди только недавно стали догадываться. За то время, пока мы бьёмся над решением проблемы, Земля давно решила эту задачку и ждала много лет шанса сообщить об этом наверх, во внешний мир, где живут люди. Она готова спасти нашу цивилизацию и продолжить терпеть дальше те неудобства, которые мы ей причиняем, сохраняя при этом надежду, что мы не уничтожим себя и не расколем мир, на котором живём. Но у неё есть условие. В чём же это условие? Дело в том, что Земле был вещий сон. В этом сне она увидела, что ей угрожает некая опасность, справиться с которой она не в силах, но есть надежда на человеческий разум. На разум тех, кто может странствовать по территории сновидений и через ткань реальности проникать так далеко в сновидения, насколько хватит фантазии. Некоторые из сновидцев-путешественников могут заходить ещё дальше. Они могут оказываться в таких местах, которые существуют на самом деле, но в реальном мире яви им туда ни за что не попасть.

- И что же из этого следует?
- Земля готова дать нам шанс спастись и закрепить свою власть и на территории сновидений, но взамен она хочет, чтобы мы спасли её.
- В точку, друг мой, - Костя довольно откинулся в кресле, скрестил руки на груди, чтобы посмотреть на меня из-под очков. - А теперь ответь мне, почему мы? Почему ты и я? Я даже не спрашиваю, что хочет от нас наша мамуля. Всё равно нам с тобой не дойти до этого своим умом. Куда интереснее, почему выбрали нас?
- Да, я пока не знаю, что такого случилось, что помощь нужна именно от людей, а не от деревьев или кого-то и представителей животного мира, чей род существует на Земле дольше человеческого и кто лучше понимает Землю. Но я могу понять, почему мы. Ты - единственный, кто в нужное время был в состоянии услышать голос планеты. Ты - тот, кто понимает, что получил взамен за то, что после того, как мы завершим наши дела, сделаю я. Потому что я - тот, кто может помочь.
- Совершенно верно. Земля выбрала тебя. Не спрашивай, за какие такие заслуги, может, за твои красивые глаза или за твою доброту, которой хватает и на этот мир, и на территорию сновидений. Спрашивай лучше, что именно ты должен сделать?
- И что же?
- Для начала спасти мир. Мир людей. Затем спасти мир в более широком смысле. Спасти планету. Для этого тебе придётся отправиться через территорию

сновидений к ядру нашей матери. Нашей единой матери-планеты.

- Что же я могу сделать, попав к ядру?
- Образно говоря, ядро - это центральный процессор планеты. Сознание Земли - это часть программного обеспечения. И это сознание заражено вирусом. Антивирусом можешь быть только ты.
- Так меня ещё никто не называл.
- Если мы не сделаем то, что должны сделать, боюсь ни тебя ни меня совсем скоро никто уже вообще никак не сможет назвать.
- Постараюсь сделать всё так, как от меня ожидают, но что именно я должен сделать?
- Ты должен уничтожить ключевого агента Сноголовых. Тебе предстоит определить его местонахождение, не только место, но и время, когда он явится нанести решающий удар. После того, как ты это узнаешь, ты должен будешь сразиться с ним, победить, забрать у него то, что он украл у всех людей, вернуть украденное, восстановив баланс сил. И когда всё будет покончено с агентом и Сноголовые в очередной раз получают щелчок по своим бесплотным носам, от которого они оправятся очень нескоро, только тогда ты сможешь приступить к основной части миссии. Ты должен будешь провести операцию по извлечению вируса из центрального процессора планеты. Для этого тебе придётся общаться с самым мощным компьютером в Солнечной системе -

сознанием планеты, на которой давно существует разумная жизнь.

Меня бросило в холодный пот от осознания того, что мне предстоит сделать. Африканская ночь показалась мне в этот момент такой же холодной, как ледяное дыхание арктических широт.

Чтобы унять дрожь в руках, я позволил ей проникнуть в мой голос:

- Погоди, Костя, не спеши. Дай отдышаться. Такое не так просто принять. Особенно, если пару часов назад ни о чём подобном не думал. Даже представить себе не мог, что такое возможно. Это тебе не “Крепкий орешек”, а я не похож на Брюса Уиллиса.
- Ты и не должен быть им. Твоя сила не грубая, не прямолинейная, твоя сила сокрыта в твоём сознании, в твоей эмпатии, в твоих способностях сновидца. Только через территорию сновидений, где нет границ, языковых барьеров, культурных различий, где всё - белый лист для творчества, только там мы можем установить контакт с силами, которые здесь и сейчас, в этой комнате, представляются не более чем... тем, что кажется невозможным.

Костя поднялся с кресла, вытер руки тканевой салфеткой, в которых держал всё это время опустевшую от ягод кисть винограда, подошёл к своему чемодану.

- Кажется, мы всё обсудили. Пришло время показать, с чем я к тебе приехал. Только ты должен об этом

молчать. Лучше всего будет, если ты забудешь, что видел сразу после того, как я тебе это покажу. От этого... артефакта зависит очень многое. Его легко уничтожить, прознай о его существовании те, кому мы противостояим... кому противостоят твои сонные боссы, точнее, - Костя, судя по паузам между фразами, тоже испытывает волнение, но виду не подаёт.

- Так вот. Ты сам дошёл до объяснения всему происходящему. Считай, что это был первый инструктаж. Дальше будет проще рассказать, что надо сделать. Если вообще необходимы какие-то дополнительные вводные. Короче...

Константин поднял лежащий чемодан, поставил его на колёсики и отвёз обратно к столу.

У стола он снова положил его, чтобы было удобнее раскрыть. Взвизгнул zipper молнии. Крышка откинулась. Из вороха сменной одежды Костя достал свёрток. Свёрток приглушённо звякнул. Как... как...

Пока я вспоминал, где слышал подобный звук, за окном, очень далеко от островка света посреди поглощённых тьмой просторов саванны, одновременно завывала гиена и громыхнул гром. Гром был, а вот вспышки молнии не последовало.

Я отвернулся от окна, привлечённый этими звуками, и Костя уже развернул свёрток. Изогнутые рожки артефакта покрывали причудливые узоры, неразличимые с того места, где я сидел. Костя протянул предмет мне, и он матово блеснул в искусственном освещении комнаты.

- Ну надо же. Это ведь...

ГЛАВА 5. СОЛЬ

Стоп! Надо взять паузу! Вам не кажется, что события развиваются как-то слишком быстро? У меня есть такое ощущение. Хотя всё происходит именно так, как было (на самом ли деле, решать вам), но вот с последовательностью событий я обхожусь в некоторой степени вольно.

До встречи с Костей была не менее примечательная встреча с Алиной. Если бы я начал с неё, пропал бы эффект новизны и внезапности в том, что рассказал мне он. С другой стороны, никто ведь не понял, что за Сноголовые такие, правда? Почему их следует бояться? Нет, это не главный вопрос. Что им нужно? Вот главный.

Я узнал об их планах, как и о них самих, сравнительно недавно. Я всего пару лет как принял предложение Лины примкнуть к Всемирному министерству сновидений. Дина - один из иерархов в этой сложной структуре, которая, по примеру Дозоров, придуманных Сергеем Лукьяненко, охраняет баланс между силами света и тьмы в этом мире. Только задача у сновидцев из отделов министерства (я числюсь в ранге магистра снов в филиале по Центральной России и Северной Европе; за Уралом - свои дела, там всё больше китайского и вообще азиатского влияния, азиаты в снах понимают много больше нашего) по виду примерно та же самая, но по реализации - совсем иная. Баланс между миром яви и территорией сновидений, между реальностью,

созданной человеческим разумом, и реальностью, существующей в коллективном человеческом (и не только) сознании. Вы можете себе представить, о чём видят сны деревья, вишнёвое дерево, к примеру? Я теперь знаю. Сны видит всё живущее, если знаешь, как расшифровывать коды сновидений разных существ, населяющих наш мир, можешь становиться их частью, корректировать их, влиять. Впрочем, с этим как раз надо быть особенно осторожным.

Первый год, когда я начал работать вместе с Линой, я изучал правила, которых до этого не знал, потому, обладая способностью к осознанным сновидениям, действовал интуитивно. Как оказалось, многое я понял правильно, ещё до того, как стал частью министерства. В том числе, я понимал, что опасно вмешиваться в чужие сны без понимания сложных взаимосвязей линий сновидений отдельных сознаний с общим потоком. С тем самым потоком, который, как вы теперь знаете, является чем-то вроде гарантии, что человечество не исчезнет с лица планеты. Пока мы видим сны, мы помогаем спать Земле. Сны людей - самые энергоёмкие, если можно так сказать, потому так и важны в общем потоке.

Не всем это на руку... на щупальце... на сгусток энергии... в общем, не все принимают существующий порядок вещей. Не всем нравится, что человечество так важно для существования реального мира. Ведь те же самые люди, когда не спят, а бодрствуют, в полную силу вредят своему миру, уничтожая планету. Как это так получается у нас? Самое большое благо и самое большое зло. Носители света и тьмы. В одном “сосуде” мерзкое и прекрасное.

Ладно бы только на своей стороне верховодили, но с появлением министерства сновидений (произошло это примерно в то же время, как шумеры начали рисовать крылатых львов, но это совсем другая история - о быстротечности времени в яви и янтарной вязкости времени во снах) у тех, кто главенствовал над всем в изначальной тьме территории по другую сторону реальности, появился не просто противник - конкурент. Из таких, от кого лучше всего избавляться, потому что недостаточно быть лучше его, это не поможет. Такие конкуренты появляются, чтобы переделать всё под себя. Люди не терпят соседства. Иной разум под боком совсем ни к чему.

Всё стало совсем плохо для обитателей той стороны, когда министерство сновидений стало такой же сложной структурой, как человеческое общество, с обрётёнными технологиями и знаниями о мире, включая то, что люди за минувшие века узнали о времени, пространстве, материи, энергии.

Прежде всего - кто они, эти обитатели территории сновидений? Уже прозвучало общее название, данное этому обнаруженному разуму. Сноголовые. Впрочем, это жаргонное словечко. Оно даже порой проникает в документы, хотя на самом деле их называют нейронными симбионтами. Такое название они получили, когда удалось выяснить, что они одновременно существует и независимо от способности сознаний обитателей реальности проникать на территорию сновидений, как обитатели “той стороны”, и являются в некотором роде частью сознаний разумных существ, на нейронном уровне.

Они - эхо электрических импульсов между синапсами мозга и сигналами, которые транслируют в мозг нервные окончания. Они - обитатели самых тёмных глубин территории сновидений, порождения этого безбрежного океана, о существовании которых так никто бы и не догадался в реальности, если бы люди не стали изучать сны, как океанологи - изучать океана. Ведь то, что жизнь в океане изучена людьми меньше, чем обратная сторона Луны, - это факт. Согласно философской и отчасти научной теории - теории наблюдателя, звук от упавшего дерева в лесу существует только тогда, когда есть наблюдатель, кто фиксирует его.

Согласно квантовой теории, зафиксировать распад ядра частицы может только наблюдатель. Пока за ядром не ведётся наблюдение, оно одновременно и распалось, и в состоянии покоя: целое и невредимое. Эту теорию описывает более наглядно эксперимент с котом Шрёдингера. Вы все помните эту научную шутку: кот одновременно жив и мёртв в своей коробке, где, помимо животного, находится ядро радиоактивной частицы и ёмкость с ядовитым газом. Если ядро распадётся, газ поступит в коробку - кот умрёт. До тех пор, пока наблюдатель не откроет коробку, он не узнает, жив кот или мёртв. Всё это время кот одновременно существует в двух состояниях. Но как только коробку открывают, процесс, при появлении наблюдателя, принимает одно из двух состояний. Вот как важен разум, как важно сознание, которое в состоянии что-либо зафиксировать, придав тем самым факту вес.

Примерно то же самое происходит и с новыми видами живых организмов, которые постоянно открывают учёные, исследуя океанские глубины. Те невероятные существа, которые появляются как бы из ниоткуда, частично существуют (начинают существовать) только благодаря тому, что их открыли. Другими словами, мысль о существовании этих удивительных существ вызвала их к жизни, дала им обрести форму, хотя они существовали в океане всегда, только неизвестно, в каком виде, в какой форме. Это стало известно в тот момент, как такое существо попало на глаза. Из области фантазий перешло в область реальных фактов. Из сна - в явь. Из электрического импульса в мозгу через зафиксированное органами чувств явление - в предмет, в реалию.

На территории сновидений Сноголовые появились по тому же сценарию. Они существовали там с самого начала. С того момента, как Земля стала видеть сны. Как вселенная появилась, а территория сновидений стала её отражением. Для того, чтобы эти существа стали существами, обрели форму, нужны были наблюдатели. Не просто наблюдатели (потому что и деревья видят сны), а такие, кому есть до того, что они обнаружили, дело. Такие, как люди, которым непременно надо ткнуть палкой или разложить под предметным стеклом микроскопа всё, что они находят. Все прочие живые существа не столь любопытны или не столь глупы, поскольку даже детёныш газели с самого рождения воспринимает мир сразу целиком, во всех его проявлениях. Повинуясь инстинктам выживания, живое существо, кроме человека, не задаётся вопросом почему, оно просто

принимает всё, что видит, что ощущает. Оно не меняет окружающую действительность, принимая её такой, какая она есть. Меняет мир только человек. Только его разум способен оживлять то, чего нет.

Так люди дали не только имя, но и форму Сноголовым.

Исследуя глубины территории по ту сторону реальности, первопроходцы среди путешественников-сновидцев однажды научились далеко уходить за пределы своих снов, за пределы коллективных сновидений и сновидений эгрегоров сознаний других существ, с которыми человечество делит планету. Однажды они пересекли Поток (пора уже называть его гордо, чтобы отличалось от потока сознания или речного потока), а за ним, в самой глубине - в мире сновидений переход с уровня на уровень происходит сверху вниз - увидели нечто, что более всего походило на сгустки тёмного тумана, колеблемого порывами невидимого ветра. Или на звёздную туманность. Или на чернильное пятно, которое выпустила каракатица, и частицы растворённой в водной толще взвести расползаются в сторону, создавая эффект движения, плотности. Вот такими поначалу были Сноголовые.

Их существованию в вечном стазисе, неподалёку от горячих испарений Потока, пришёл конец, когда они ощутили, что на них смотрят. Когда их увидели, они проснулись. Они стали осознавать себя. Стали изучать пространство, в котором существовали бог знает сколько эпох.

Человек сам создал себе соперника. И тотчас же, как соперник осознал, на что он может рассчитывать в большой

игре, стал бороться с ним.

Обретя форму, что для Сноголовых равнозначно обретению сознания, а значит - цели, обитатели глубинных пределов территории сновидений принялись изучать обстановку, ощупывать локаторами своих новообретённых органов восприятия верхние слои. Очень быстро они проникли за Поток в обратную сторону, добравшись почти до самого верха, до тонкой невидимой мембраны, разделяющей мир сновидений и реальность. Они ощутили, что по ту сторону есть нечто, что им всегда будет оставаться недоступным, пока они обитают по ту сторону границы.

За мембраной есть звук. За мембраной существуют запахи. Там есть вкус, прикосновения. Там есть то, чего Сноголовые лишены.

Предвижу вопрос: как так, то есть всё, что человек ощущает во сне, пока спит, это иллюзия? Даже отвечать на этот вопрос нет смысла, но скажу: да, совершенно верно. Помните про звук падающего дерева и наблюдателя? В снах всё так же.

Только те, кто видят сны, привносят в них ощущения, привычные им по фазе бодрствования. То есть всё то, что существо ощущает наяву, в состоянии ощутить и во сне. Только сон - это как пузырь: всё, что в нём происходит, происходит внутри, наружу никак не выходит. Иначе на территории сновидений стоял бы ужасный шум из звуков и ощущений. На самом деле там царит абсолютная тишина. Более совершенная, чем в вакууме.

До того, как ощутить себя в пространстве, где нет ничего, Сноголовые питались теплом общего Потока. Им хватало

того, что долетало до их чёрных непроницаемых глубин. Когда их “разбудили”, а точнее - воплотили, они ощутили голод, узнав, что есть по ту сторону, куда им нет хода. Сноголовые вернулись к Потоку, чтобы изучить сознания тех, кто их привёл в мир, в котором ничего не было. Они долгое время в месте, где нет самого понятия времени, находились в небытии, являясь, по вселенскому закону равновесия, отражением сознаний тех, кто существовал и развивался по другую сторону мембраны, в реальном мире. Теперь они ощутили потребность чем-то заполнить - себя и окружающее их пространство.

Узнав достаточно, Сноголовые начали реализацию плана по “оживлению” территории сновидений. Но сначала они начали заполнять собственные оболочки. Питаясь энергией сновидений.

Они научились проникать в пузыри сновидений отдельных сознаний через кошмары. Кошмар - это нестабильность в потоке сна, разрушительный элемент для пузыря. Вызывая волнения в течении потока, можно нарушать связи между сознанием и создаваемым им пузырьём сновидения. Если оборвать эту связь в то время, как сознание находится в созданном им пузыре сновидения, то возврат в тело, обратный переход через мембрану может и не произойти. Что тогда происходит? Кома. Внезапное сонное оцепенение. Смерть во сне.

Легче всего воздействовать на ослабленное чем-нибудь в реальности сознание. Дети. Люди с расстройствами психики. Болезни, течение которых в организме ослабляют синаптические связи в мозгу. Люди с живым воображением.

Творческие личности. Старики. Список не так мал, как может показаться. На такие ослабленные по разным причинам сознания воздействовать легко.

Со временем Сноголовые научились присасываться к пузырям снов и качать не просто чистую энергию - настоящие ощущения. Они ощутили фантомы звуков, запахов, прочих ощущений, которыми наполнены сны. Они захотели большего. Им нужно было проникнуть через мембрану, в мир яви, но это было невозможно. Как нельзя в сон пронести ту книгу, которую ты читал, пока не уснул, но можно ощутить во сне её фантом - только лишь потому, что ты держал её перед тем, как очутиться на территории сновидений. Сноголовые ни при каких условиях не смогли бы проникнуть в явь - и по той причине, что их не видят в сне, так как не знают, что они существуют, и по той причине, что их нет в реальности.

Кстати, догадались уже, почему жаргонное словечко для обозначения этих сущностей - "Сноголовые"? Правильно. Мы их так называем между собой, потому что они, по сути, существуют только в наших головах, являясь одним из порождений снов и существующих только там. Форма их голов не при чём. У них вовсе нет голов в привычном понимании. Они остались в той же форме, в какой их увидели первые наблюдатели. Дымные сгустки тумана, иногда выпускающие что-то вроде отростков или щупалец. Бесконечно зыбкие, не имеющие постоянного вида. Как мысль, которую не можешь ухватить, или как нечто, что видишь краем глаза, но никак не удаётся увидеть целиком.

То, что не увидеть, то не зафиксировать в сознании. Тому не придать форму.

Сноголовые поняли это после экспериментов с сознаниями наиболее восприимчивых к кошмарам подопытных среди людей. Впрочем, экспериментировали они не только с людьми, но о том, как угасало сознание животных или растений, мы не узнаем: трудности перевода, знаете ли. А вот о сходявших с ума людях историй немало. В том числе, о тех, кто сошёл с ума под влиянием кошмарных сновидений. Принято считать, что кошмары - это не причина, а следствие происходящих в организме биохимических процессов. Впрочем, те, кто это утверждает, не относятся к числу наблюдателей, знающих о существовании Сноголовых. Я о них знаю и знаю, как это бывает.

За то время, пока я работаю в министерстве сновидений, мне несколько раз приходилось сталкиваться с последствиями воздействий на человеческие сознания Сноголовых. Они давно переключились на другую тактику, но питаться энергией наших сновидений не перестали: им нравятся эти ощущения, и они не мешают им в реализации их масштабного замысла.

Я несколько раз помогал тем, кто страдал от кошмаров. Помощь обычно поступала от меня в виде незаметной поддержки. Я синхронизировался в осознанном сновидении с пузырьком сна человека, которому необходима была помощь. Получая возможность видеть и ощущать, как наблюдатель, то, что происходит в терзаемом Сноголовыми сознании, я обрывал связи, вытаскивал “иглы”, через которые питаются

энергией сновидений существа с той стороны. Я лечил, используя свои способности к эмпатии, оболочки пузырей. Обычно этого хватало, чтобы Сноголовые переключали своё внимание на кого-то ещё или убирались из моего сектора.

Но я долгое время сталкивался только с последствиями вмешательства Сноголовых, но ни разу не видел их самих. Это случилось лишь однажды, когда один мой знакомый поделился со мной печальной новостью: дорогой ему человек внезапно, без внешних видимых причин, впал в кому.

Информации, которую я получил в ходе осторожных расспросов, как и сигнатуры личности моего знакомого (да, чтобы попасть в чьё-то сознание и разделить с кем-то сон, нужно кое-что знать о человеке; всей информации не раскрою, но намекну на “Тетрадь смерти”: если знаете о такой манге и аниме, снятом по ней, то вспомните, что одним из даров, который получил от демона Рюка главный герой, были “глаза бога” - способность, с которой можно было разглядеть истинное имя человека, даже не заглядывая ему в удостоверение личности), хватило для того, чтобы через некоторое время отправиться в сознание впавшего в кому человека. В реальности он впал в кому, а на территории сновидений по неким причинам (их ещё не до конца прояснили лучшие учёные министерства сновидений) привлёк Сноголовых настолько, что они решили избрать его сознание как постоянный источник энергии сновидений. То ли среди Сноголовых есть свои гурманы, которые ищут особенный “вкус” сновидений, то ли это как-то вписывается

в общий план по похищению голоса реального мира, но иногда люди впадают в кому - для того, чтобы питать своими снами тех, кто ждёт по ту сторону.

Тот случай стал для меня особенным. Когда я через воспоминания моего знакомого нашёл код идентификации, позволивший мне проникнуть в пузырь сновидений впавшего в кому человека, а из этого пузыря выбраться “наружу”, в пространство сновидений вокруг пузыря, я увидел то, что никогда не забуду. Та картина навсегда останется в моей памяти.

Я увидел, что пузырь, обычно яркий и многоцветный, как мыльный, обволакивает некая дымная субстанция, как будто пузырь попал в огонь, который потух, и остался только дым, поднимающийся тяжёлыми удушливыми волнами. Жирные касания дымных протуберанцев оставляли на поверхности пузыря сажевые следы. Я не сразу понял, что это, но потом догадался: вокруг пузыря, вбирая его своими бесплотными телами, собрались Сноголовые. Они в каком-то смысле пожирали пузырь несчастного человека, который не мог проснуться. Но пожирали не в буквальном смысле. Они растекались по нему, пытаясь вобрать глазами, руками или что там заменяет им отсутствующие органы чувств.

Они ели сознание человека глазами. Облизывали его сновидения как дети лизжут мороженое.

Картина довольно мерзкая. Люди могут есть практически всё, не задумываясь о том, есть ли у их пищи сознание, чувства, собственная воля. Это не лишает их аппетита. При этом невозможно смириться с тем, что как пиявка присосалось к твоей душе. В некотором смысле наши

сновидения - это отражение наших душ так же, как и проекция наших сознаний. Продать Дьяволу душу - это одно, это сделка довольно абстрактная. Видеть, как нечто медленно лижет, как сладость, твою душу, снимая с неё слой за слоем, - это зрелище столь же до неприличия интимное и постыдное, как и ужасное.

То, как я отгонял Сноголовых от измученного их агрессий сознания человека, - рассказ для другого раза. Возможно, что когда-нибудь, когда наберётся вдоволь воспоминаний, можно будет написать сборник рассказов о моей работе на министерство сновидений. Если сделать так, что рассказы все будут в разном жанре - от любовной мелодрамы до космической оперы, то случай о моём первом контакте третьего рода со Сноголовыми явно будет относиться к жанру ужасов. Могу сказать лишь одно: то был единственный раз, когда я использовал оружие, которое было создано, чтобы разрушить злые чары, захватившие в плен разум моего друга. Вы должны помнить ту историю - с неё началось моё странствие по снам во благо министерства. Друг, который захотел поменяться со мной местами. Я тогда ещё ничего не знал о территории сновидений в том объёме, в каком располагаю сведениями в настоящий момент, потому ту историю изложил как сказку. Сейчас я понимаю, что без Сноголовых не обошлось, и многие моменты можно объяснить иначе.

Пока же ничего не хочу рассказывать сверх того, о чём проговорился. Того человека я спас. Через несколько дней мне позвонил знакомый и одновременно заливаясь слезами

и смеясь рассказал, что его любимый человек открыл глаза. Первое, что он спросил, было: “Где тот, кто прогнал тени?”

Тогда я впервые увидел тех, кого люди невольно вызвали к жизни. Впрочем, стоит ли называть состояние, в котором находятся Сноголовые, жизнью? Получить нашу жизнь они не против.

Проникнуть в наш мир им не удастся - это хорошо. Плохо то, что они всё равно нашли способ, как влиять на реальность. Они научились управлять сознаниями. Сознаниями безумцев, поглощённых собственными амбициями людей, существ в пограничных состояниях и прочих, чьи связи с реальностью слабы, но по иным причинам, чем у тех, кто подвержен влиянию, потому что слишком восприимчив.

Люди (и не только), которыми научились управлять с той стороны Сноголовые, напротив - совершенно не воспринимают реальность. Им настолько чужда, скучна, противна или непонятна жизнь человеческого сообщества, правила, мораль, законы, что они пытаются её заместить. Результат таких замещений - создание в сознании собственной картины мира. В такой картине носитель сознания, как правило, находится вне человеческого сообщества. Или в силу собственной инаковости, или в силу нахождения под влиянием иллюзии о своей особенностях и избранности, или в силу слабых моральных принципов, или потому, что сознание просто не воспринимает реальность.

С такими людьми обычно работают психиатры. От таких людей страдают другие. Такие люди являются причиной больших бед. Например, большинство войн начинают как

раз такие безумцы, ослеплённые собственной значимостью. Ослеплены они настолько, что цена других жизней для них равняется нулю. Уничтожая до срока человеческие жизни, они служат верой и правдой Сноголовым. Дело в том, что насильственная смерть не то же самое, что смерть по естественным причинам, когда тело и сознание постепенно отключается от всех каналов восприятия, от всех связей с реальностью и с территорией сновидений. Внезапная смерть, убийство, гибель на войне и тому подобные случаи, когда человеческое сознание резко перестаёт существовать в реальности, обрывает постоянный канал связи с территорией сновидений. А что остаётся на той территории? То, что я называю пузырём. “Средство передвижения” в мире сновидений и вместе с тем - “шлюзовая камера” для перехода сознания.

Резкая смерть сознания, мгновенное прекращение существования обрывает все контакты с частью сознания на территории сновидений, пузырь остаётся. Конечно, он постепенно пустеет, выцветает, но его можно использовать как кокон. Надо его только накачать тем, что даёт Поток энергии. Как это сделать, если Сноголовые существуют в пространстве без ощущений? План весьма простой, но без помощников наяву, а не во сне не обойтись.

Сноголовые за последние несколько столетий виртуозно научились собирать пустые пузыри, предварительно добиваясь, чтобы они пустели, но не исчезали. Всё делалось в несколько этапов.

Этап первый. Найти слабое сознание. Не ребёнка, старика или страдающего от недугов человека. Теми можно

кормиться при желании, а необходимо нечто большее. Необходима склонность сознания к собственной переоценке, к отрыву от реальности, к доле безумия, но такой, чтобы не окончательно стёрлась грань между миром собственного воспалённого сознания и тем, что есть на самом деле. Нужен вдохновлённый собственными иллюзиями экспонат. Как их ищут? Осторожной пальпацией.

Скользя меж мириадом пузырей в безмолвии и бесчувственности своего существования, Сноголовые исследуют каждый пузырь, проверяя его на ощупь. Они очень методичны. Имя им легион. Их ровно столько же, сколько сознаний по ту сторону мембраны (закон сохранения), и даже больше, потому что ни одно сознание, исчезая в реальности, не пропадает по ту сторону. Представляете, сколько за время существования Земли фантомов, отражений, теней всех когда-либо существовавших сознаний накопилось? Достаточно, чтобы рано или поздно отыскать всех безумцев и эгоистичных ублюдков с завышенным ЧСВ на этой планете.

Этап второй. Захват цели. Обнаруженный пузырь, сознание в котором подходит Сноголовым в качестве инструмента, надо обработать. Присосаться к нему. Пробить бреши, которые для сознания будут звучать отголосками кошмаров. Когда оборона пузыря будет ослаблена, можно подталкивать пленённое сознание к следующему этапу.

Этап третий. Перекалибровка сознания. Здесь всё просто. На одном примере. Убедить Гитлера, чьё сознание всегда было малость нездоровым, что подлые евреи виновны в его жизненных неудачах, а Европа должна поплатиться за то, что

гордый немецкий народ страдает из-за происков мировой жидомассонской закулисы. Очистить мир огнём и мечом - задача номер один. Как правило, приходится ждать, пока замыслы, навеянные кошмарами, становятся реальностью. Для этого управляемое сознание должно войти в силу, добиться поставленной цели. Цель одна: изничтожить как можно больше живых сознаний вокруг. Любой ценой. Обычно, ценой собственной жизни.

Этап четвёртый. Фаза сбора урожая. Самое лёгкое. В реальности сознания затухают пачками - десятками, тысячами, миллионами. На территории сновидений усиленные отряды Сноголовых захватывают то, что успевают и оттаскивают в нижние пределы.

Там, где влияние Потока ослабевает, пузыри “замерзают”. Их “оболочка” застывает, не позволяя им растворяться в общей “ткани мироздания” территории сновидений. Обычно это происходит от “солнечного ветра”, испускаемого Потоком. Энергия жизни, сила живых сознаний растворяет то, в чём жизни больше нет, и пузыри исчезают, становятся частью общей энергии. Если же вовремя убрать их подальше, законсервировать, они, в любом случае, высохнут изнутри, перестав получать подпитку от сознания из реальности, но оболочка останется. Ей не в чем будет растворяться. Эти пузыри - важный элемент в общем замысле Сноголовых.

Этап пятый. Поисковые отряды. С этого этапа начинается самое сложное для Сноголовых. Они приступают к осуществлению той части плана, от успешной реализации которой зависит, добьются ли они цели, смогут ли они

ощутить, что такое - настоящее существование. Они приступают к вербовке.

Вербовать они будут те сознания, на пузыри которых были задолго до пятого этапа нанесены особые пометки. Это сознания тех существ, кто существует одновременно в мире людей и в особом состоянии. Эти особые состояния в человеческом сознании за века сосуществования нашли множество особых названий: ведьмы, колдуны, оборотни, вампиры, суккубы. Вариантов - великое множество. Внешне это люди. Почти люди. У них есть особые качества, делающие их тела полиморфными. Из сознания текучими и способными преодолевать ограничения человеческих разумов. Их сознания способны слышать и понимать голоса, которые обычные люди никогда и ни при каких условиях не смогут услышать. Голоса чуждых человеческому разумов. Животных, растений, камней, рек, стихий, морей. Голоса новообразований на теле планеты - человеческих поселений. Вот последние Сноголовым и нужны. Голоса городов - самые ценные. Как горный хрусталь. Как бриллианты высшей степени чистоты. Как нечто, что настолько же прозрачно и хрупко, как и материально и наполнено силой.

Этап шестой. Похищение голоса. Натренированные поисковики во славу своих хозяев собирают голоса городов. Их тренировки проходят по схожей методике с воспитанием ненависти к человеческому роду у тех, благодаря кому Сноголовые запасаются впрок пузырями. Кстати, пузыри тех, кто помогает им в этом, даже после насильственной смерти их невольных “слуг” Сноголовые не подбирают. Пузыри убийц и тех, кто разрушал жизни других сознательно гниют

внутри в течение жизни сознания. Ещё при жизни носителя сознания они непригодны для дальнейшего использования.

Поисковиков Сноголовые тренируют более аккуратно. Во-первых, срок жизни таких сознаний неизмеримо выше, чем у обычных людей. Сознание живёт очень долго, а вот тела меняются через разные промежутки времени. Полиморфизм, то есть умение тела менять внешнюю структуру, другими словами - менять внешнюю оболочку, помогает таким сознаниям существовать без опасения привлечь к себе излишнее внимание со стороны смертных. Конечно, никто не идеален, и проколы случаются, иначе откуда бы истории о демонах, живущих среди людей, но это к нашей истории не имеет отношения. Нас - и Сноголовых - интересуют те из полиморфов с условно бессмертными сознаниями, кого можно использовать в качестве медоносных пчёл или рабочих муравьёв.

Воздействовать на такие сознания даже проще, чем на обычных людей. Сознание таких существ находится в более свободном состоянии, противясь тому, чтобы становиться частью общего потока сознания человеческих сообществ, как и животных сообществ и сообществ деревьев, и так далее, и тому подобное. Такие сознания живут в реальном мире, но не принадлежат всецело ничему, что наяву существует. Сноголовым это нравится. Сноголовые могут такими сознаниями управлять, поскольку они сами не принадлежат, если так подумать, ни одной из сторон, но хотят, чтобы территория сновидений стала им не тюрьмой, а чем-то вроде настоящего дома.

Этап седьмой, решающий. Наполнение. Когда пчёлки соберут достаточно голосов городов, можно эти заготовки передавать через пузыри сновидений на ту сторону. Два вопроса могут возникнуть. Первый: как передавать на ту сторону, что принадлежит этому миру? Второй: как передавать через пузыри, если внутри Сноголовым ходу нет? Дело в том, что голоса - это не совсем то, чем кажется. Конечно, у города нет голоса, как есть голос у любого живого существа. Как стало понятно из первой части истории, голосами называются для простоты части некоей вселенской мелодии, отдельные ноты в общем звуковом и информационном вселенском потоке.

Голоса городов - это особые ноты звучания, созданные из множества людских сознаний, одновременно бодрствующих и находящихся на территории сновидений. В голосах городов так же отражение всего, что создано человеческим сообществом, населяющим этот город. Это, если можно так сказать, слепок индивидуальности места, но не чистый дух места, а набор сигналов, звучащий как музыкальная нота. Голос города - это импульс в сознании вселенной. Но лучше не брать это в голову, чтобы не тронуться от непостижимости мироздания. Впрочем, если слышали о теории струн, понять такие вещи гораздо проще.

Итак, голос города - это не нечто окончательно материальное. Это сгусток энергии, которому при определённых условиях возможно придать материальную форму, а также - представить в виде части Потока, текущего на территории сновидений. То есть голос города можно украсть в реальном мире и взять с собой в сон.

Ответ на первый вопрос содержит половину ответа на вопрос второй. Голоса городов в энергетической форме на территории сновидений стремятся к тому, чтобы стать частью общего Потока, но отторгаются им, как нечто, что и так отчасти принадлежит изначально этому Потoku, потому является своего рода дубликатом. Нити такой энергии легко определить, особенно если знаешь, из каких пузырей они будут исходить в виде волн. Из этих волн возможно плести нити, нити собирать в клубки, а дальше - дело техники. Наполнять пустые пузыри.

Проникать сквозь пузыри Сноголовые не могут, но они могут превращать собранную энергию в энергию, вызывающую кошмары. На время преобразованные голоса городов становятся источниками кошмаров. Они расшатывают оболочки пузырей и проникают сквозь них, заполняя их внутри. Попадая в пузыри, они теряют первоначальный заряд, возвращаясь в исходное состояние. Через какое-то время пузырь, украденный у уничтоженного сознания, становится вместилищем для чужих голосов. Для голоса, странствующего между мирами, одновременно и принадлежащего Потoku и его антипода. Антиматерия из сновидений.

Этап финальный. Кода. Когда будет похищен контрольный голос, который можно по-другому назвать голосом Исхода, Сноголовые приступят к уничтожению мира. С помощью Исхода, помещённого в обычный пузырь, они прервут Поток. Пузырь-детонатор оттащат к Потoku и вбросят внутрь, вызвав цепную реакцию. При попытке выбросить чуждый Потoku пузырь тот обязательно растворится,

поскольку он для того и был заморожен столько времени. Голос-Исход замкнёт контакты, Поток, подобно электрическому потоку, закоротит, и предохранители вылетят.

Поток остановится. Земля проснётся. Миру настанет конец. Территория сновидений опустеет. Она станет принадлежать только Сноголовым. “Радиоактивный” жар от распада реальности проникнет сквозь мембрану в сновидения. К тому времени Сноголовые будут готовы.

Они из своих глубинных хранилищ подтащат к самой поверхности все пузыри, которые накопили. Пузыри растворятся, чистая энергия, которой не превратится в Поток, не стать его частью, рассеется по сновидениям. Впрочем, к тому времени уже некому будет видеть сны, но территория останется. Главное не это. Сноголовые наконец смогут ощутить, что такое быть по-настоящему живыми.

Они обретут возможность ощущать, купаясь в бесконечном источнике украденной энергии. Источник бесконечный, потому что эта энергия не сможет проникнуть сквозь мембрану в реальность и её не превратит в Поток. Земли может не существовать к тому моменту, но от того времени, когда она существовала, останется зона небытия на бывшей территории сновидений, где несуществующие Сноголовые будут наслаждаться энергетическими фантомами - наследием исчезнувших из реальности существ.

* * *

То, что заняло у меня несколько страниц, по ту сторону - там, где рождаются сны и где видящие сны стали причиной пробуждения чуждого начала, - там всё это заняло уйму времени.

Вся картина окончательно прояснилась уже после того, как всё закончилось. Спасибо Лине - она открывает мне глаза на новые особенности “ландшафта” мира сновидений едва ли не ежедневно.

При этом она выбирает каждую новую встречу то самые удивительные места, то намеренно обыденные. О делах министерства мы говорим только на территории, подвластной ему, - в осознанных сновидениях. Если мы хотим поговорить о делах обыденных, связанных с этой стороной, общаемся по телефону, по скайпу, встречаемся на нейтральной территории, в реальности. Эти встречи - самые обыкновенные.

То ли дело - брифинги между одним из иерархов министерства и магистром. Мы встречались, чтобы поговорить о делах на стеклянной площадке над жерлом бодрствующего вулкана, над кольцами Сатурна, в лондонском пабе позапрошлого столетия, недалеко от того места, где Чарльз Диккенс в один из последних разов проводил публичные чтения своих произведений. Самого Диккенса я тоже видел - его образ, рождённый памятью территории сновидений. Как и Элвиса Пресли: Алина как-то пригласила на его концерт.

Самым обычным местом, где мы встречались, чтобы поговорить о делах, была крыша. Обыкновенная петербургская крыша. Это было как раз в тот раз, когда

Алина выдала мне первую порцию информации о Сноголовых. Как оказалось, место было выбрано не случайно. Я вспомнил о крыше ровно тогда, когда это было надо.

Главная встреча, к которой я так долго подводил, случилась... при дворе короля Людовика XV. Забегая вперёд, я скажу, что и здесь Алина проявила своё удивительное чувство юмора. Она любит загадывать загадки, но при этом никогда не даёт сигнала: вот сейчас ты должен кое о чём догадаться. Все встречи с Линой, которые касались не просто деятельности Сноголовых и раскрытия информации о самом факте их существования, давали мне подсказки о том, что, когда и где должно произойти. Та самая решающая схватка.

Крыша петербургского здания - первая подсказка. Вы её уже знаете. С этого начали. Я не сразу понял, что в той подсказке было двойное содержание: крыша - место, название города связано с личностью одного человека, который очень нам с Костей помог. Вторая подсказка давала точное указание: всё случится в Петербурге во время Чемпионата Мира по футболу в 2018 году. Один из концертов Моцарта при дворе французского монарха в рождественский сезон 1763/1764 года, где я побывал, должен был мне это объяснить.

Музыка - самый важный элемент этой истории, значит с музыкой так или иначе должно быть связано всё. Хорошо, не буду вас изводить, открою секрет, который я смог разгадать не сразу. Разгадка тому, почему Чемпионат Мира - в “порядковом номере” Людовика, подобно номеру игрока. Посмотрите на клавиатуру: каким буквам соответствует в

русской раскладке латинские цифры 10 и 5, если их писать английскими буквами? Вот-вот: я удивился, правда, куда больше, но обижаться на то, что Алина всё время говорит загадками, не стал.

Она делает так не потому, что ей нравится: таковы законы сна, даже если это осознанное сновидение. Во сне всё происходящее даёт видящему сон только намёки на реальную картину. Проснувшись, необходимо разгадывать символику сна. Так я разгадал место и повод для финальной атаки Сноголовых на голоса городов. Как бонус - для Лины и для себя - разгадал и год. Последняя цифра года, когда всё должно было произойти - 8. Она получается, если сложить все цифры двух лет, между которыми выступал Моцарт на приёмах у Людовика, а потом сложить цифры получившегося в сумме числа.

Самую последнюю подсказку я разгадал много позже. Мы присутствовали на одном из концертов в Версале. Об этом мне сообщила Алина, чтобы я смог понять, где мы находимся. Версаль из резиденции монархов в наше время стал туристической достопримечательностью в парижском пригороде. В 1717 году устройство Дворца и парков в Версале изучал русский император Пётр I. После по образцу королевской резиденции Пётр Алексеевич построил Петергоф, задумав превзойти достижения французов. Пётр: запомните это имя. Цифры можете не запоминать, просто для ровного счёта: две первые и две вторые цифры года, когда царь гостил в Версале - это восьмёрки. Сложенные вместе в сумме дают 16, сумма цифр числа - это семёрка. Месяц года, когда всё должно произойти. Я вам скажу, что я

разгадал и дату, посчитав число букв в имени Пётр и поставив впереди “порядковый номер”.

Вот теперь вы знаете то, до чего мы с Костей дошли не сразу, встретившись на крыше в центре Петербурга буквально за несколько дней до развязки, до эндшпиля - только одной партии, не всей игры.

Наша беседа с Линой - как последняя часть головоломки, как недостающий элемент паззла, который внимательный читатель уже сложил, потому что главный герой - я, Александр Жданов - выложил на блюдечке. Есть и ещё кое-что: я обещал Лине, что обязательно упомяну о её роли в этой сложнейшей операции, но при этом не буду в этот раз её представлять кем-то вроде Белой Ведьмы. Этого было в достатке в первой истории, где Алина предстала в нескольких образах - одним из её облачений была посланница сил ада из японского городского фольклора, а одно из появлений, уверен, не заметил никто, потому что её имя не называлось.

В Швеции, во время “Евровидения” мне приснился сон, будто я разговариваю в пустом концертном зале с одним из участников, который открыл мне глаза на значение произнесённых слов, на то, что звук - голоса, музыки - имеет особое значение.

Это был хороший сон. Так вышло, что это тоже была Алина в образе певца.

Мы тогда говорили о музыке. И вот что было сказано:

- Внимательно слушай то, что я сейчас спою. Это то, что ты ищешь. Сможешь это повторить, проснувшись, хорошо. Нет, попробуй запомнить цветовое сочетание нот. Просто

представь, что ноты - это цвета радуги: фиолетовый - нота "до", красный - нота "си". Из их сочетаний рождается мелодия оттенков.

Тогда ещё было рано, но сейчас я понимаю, что это был первый шаг к пониманию того, что голоса городов, их музыку, музыку из человеческих голосов, чувств, стремлений мне надо будет защитить.

Также я точно знал с самого начала и уверяюсь в этом каждую новую встречу с Линой: её надо слушать - и во сне и наяву. Всё, что она говорит, не просто имеет смысл. Всё, сказанное ею, меняет восприятие реальности.

Как в тот раз.

* * *

Под ногами скрипит и рассыпается как конфетки-драже мелкий белый камень - что-то вроде ракушечника. Непривычно видеть, глядя на свои ноги, как по белой дорожке, проходящей через великолепие ботанических садов Версаля, шагают смешные ботинки с огромными пряжками. Мало обуви, я ещё и в напудренном парике, в кружевной сорочке, чей воротник щекочет шею, в узких штанах-ренгравах до колен, в камзоле, поверх которого - богато вышитый и украшенный бантами жюстокор. Это наряд высшей знати, приближённых короля. Так ходят в эту эпоху богатые и влиятельные персоны. Мы отправляемся на концерт юного гения Вольфганга Амадея Моцарта, которого отец возит с гастролями по Европе и по приглашению короля Людовика XV приехал в Версаль.

У меня на боку в специальной перевязи - шпага, в руках - перчатки, которые я снял, чтобы вести под руку мою даму.

В роли дамы - Алина. Она выглядит по-королевски в платье по моде этого времени - с затянутым лифом, с пышными верхними юбками платья, собирающимися сзади тяжёлыми складками атласа и парчи. Жёсткий корсаж и накрахмаленные нижние юбки поддерживают делают платье неподвижным. Кажется, что моя спутница плывёт над дорожкой. Дополняет её образ высокий парик, украшенный цветами. На шее поблескивает в сумерках жемчужное ожерелье. В уголке рта - мушка. В одной руке - изящный, словно из тонких металлических нитей, складной веер с притороченными к нему чётками из разноцветных драгоценных камней.

Я бы ни за что не узнал в этой даме, чей наряд соответствует эпохе рококо, в которой мы оказались, моего друга Алину. Только её широкая улыбка, когда она поворачивает лицо ко мне, рассказывая о времени и месте, в котором мы находимся, и блеск глаз, в которых скрывается лёгкий вызов, выдаёт в ней её натуру. Внешне она неузнаваема.

Интересно, как выгляжу я со стороны? Впрочем, на этой мысли я не сосредотачиваюсь, поскольку я понимаю, что вокруг нас ни души, мы вдвоём движемся по центральной аллее в сторону главного входа в Версальский дворец. Вокруг довольно темно, но зажжённые по краям дорожки факелы дают удивительно ровное освещение.

Света достаточно, чтобы разглядеть, что вокруг вообще-то воцарилась зима. Тот факт, что нам с Алиной при этом ни

капли не холодно, доказывает, что мы во сне.

Факелы освещают торжественно замершие по краям аллей статуи. Впереди - безмолвный круглый фонтан, за ним - освещённый тысячами свечей изнутри - распахнутый вход во дворец. У дверей мужественно мёрзнут лакеи. К парадному крыльцу подъезжают бесчисленные экипажи.

- Это так похоже на Петергоф, - почему-то шёпотом говорю я Алине.
- Ты ведь знаешь, что Пётр Алексеевич, основатель твоего родного города, построил Петергоф по образу и подобию резиденции французских монархов, - так же шёпотом и с лукавой полуулыбкой, скрытой за распахнутым веером, отвечает мне Алина.
- Только т-с-с, - она прикладывает палец к губам. - Не проговорись никому из гостей. Им вряд ли понравится, что какой-то русский царь, хоть тот и учился в Европе, сделал что-то не хуже их.

Я в шутливой клятве поднимаю одну руку вверх:

- Торжественно клянусь, честное пионерское! Но это всё же ни к чему: меня всё равно никто не поймёт, я плохо говорю по-французски.

Алина шлёпает меня по руке веером:

- Ты опять забыл: мы во сне. Здесь языковые барьеры столь же призрачны, как и временные границы. Тебя ведь не удивило то, что мы идём по Версальскому саду тех времён, когда Французская революция ещё не

вторглась в вековые устои монархии, когда у короля голова ещё была на плечах? У этого она и останется там, куда её поместил Бог, этот король умрёт от оспы, но вот дальше будет хуже. Тебя не удивляет тот факт, что мы идём на концерт живого Моцарта, совсем ещё юного, в тот период его музыкальной карьеры, когда до знаменитого “Реквиема” ещё более 25 лет.

- Прости, когда я в качестве гостя в твоих сновидениях, мне бывает порой сложно переключиться. Я всё время забываю, что всё, что мы видим, не более чем временный сеанс подключения к тому, что можно назвать линией времени.
- Вот и не забывай. - она поворачивает голову, и её профиль в свете факелов напоминает о профиле королевы, который уместно смотрелся бы выбитым на золотой монете. - Мы пришли. Наслаждайся концертом, но слушай его не просто ради музыки. Пока слушаешь, вспомни, что ты уже узнал о значении музыки для нашего мира и о том, как она может быть связующим звеном между миром яви и территорией сновидений.

Мы преодолеваем последние метры, по-прежнему оставаясь в коконе невидимости. Всё, что вокруг нас, - это то, что было на самом деле. Мы здесь - гости, сторонние наблюдатели. Невидимые. Мы можем в определённой степени взаимодействовать с этим фантомным видением, сохранённым в общей памяти человечества. Нас могут слышать и видеть окружающие. Правда, мы будем представлять перед ними в образах каких-то других людей -

тех, кого наши собеседники знают. Они так же быстро будут забывать о том, что разговаривали с нами, стоит нам исчезнуть из их поля зрения. Мы для окружающего мира - дежа-вю, таким же видением можем считать и то, что видим мы сами.

Раз это сон Алины, нам не приходится слушать юного гения из задних рядов. У нас места недалеко от Людовика XV с семьёй и ближайшими придворными.

Я украдкой разглядываю монарха, кто, как и все присутствующие в зале мужчины, в завитом парике с косицей, перехваченной бантом. Он что-то тихо нашёптывает, видимо, своей супруге, которая прикрывает нижнюю часть лица веером. Они оба смеются, а я в это время вспоминаю, что знаю об этом монархе и его семье.

Состоял в браке с Марией Лещинской, происходившей из польской королевской семьи. У монаршьей четы было десять детей. Впрочем, король Людовик был более любвеобилен, чем было положено ему по рангу. Вскоре после женитьбы на Марии, он предался своему любимому греху - распутству, и его окружали толпы фавориток, среди которых выделялась знаменитая мадам де Помпадур.

То, что я вспомнил, заставило меня усомниться в том, что по правую руку от Короля сидит его жена. Я хотел уточнить у Алины, верно ли я мыслю, но в этот момент в зале появился юноша в сопровождении мужчины. Отец и сын Моцарты.

Все вопросы, которые роились у меня в голове, отошли на второй план. Я только успел подумать, что это Людовик XV в какой-то момент отошёл от дел по управлению страной настолько, что изрёк фразу “после нас хоть потоп”, в ответ на

сетования его министров, что народ ропщет и среди масс зреет недовольство. Стареющий король предпочёл мыслям о своей стране свои сиюминутные желания. Он отдался любовным играм с юными прелестницами, и одна из его юных фавориток свела его в могилу, заразив оспой.

Позднее народ всё же восстал, но это случилось уже в эпоху правления Людовика XVI, кому не удалось сносить головы, как не удалось и Моцарту дожить до глубокой старости.

В подобных размышлениях я пропустил начало выступления, все приветственные речи и похвалы в адрес милостивого короля. Очнулся, когда в зале стало тихо - из звуков до меня доносились только лёгкое шуршание платьев и вееров. Ещё, правда, были запахи: я удивляюсь каждый раз, попадая во сне в просвещённую Европу прошлых столетий, тому, как пахнут люди. Запах весьма странный: что-то вроде пахучего сыра, сдобренного изрядной порцией парфюмерной отдушки.

Все запах и звуки перестали существовать и отвлекать, остался только звук инструмента, на котором играл юный гений - в этот раз это был клавесин, хотя Амадей мог играть на скрипке и даже на органе не менее виртуозно, даже с завязанными глазами.

Я тоже решил закрыть глаза, чтобы во сне прикоснуться к другому сну, когда мне рассказали о том, что звуки музыки - это часть вселенской гармонии, что они имеют осязаемость, что у каждого звука есть цвет.

За закрытыми веками музыкальные ноты танцевали многоцветными звёздными всполохами. Сначала это были

просто вспышки света, затем мелодия стала представляться, как мазки цвета на огромном полотне. Чтобы разглядеть всю картину целиком, надо одновременно и видеть каждый мазок, каждое движение кисти Творца, и всё вместе - картину, холст, на котором она создана, подрамник, треногу, на которой холст покоится, окружающее пространство, вместившее в себя и холст, и картину на нём, и создателя, и зрителя.

Музыка помогла мне сосредоточиться, собрать воедино все детали общей картины.

Я уже знал о Сноголовых, об их замысле. Я уже встречался с ними - в тот раз, когда спас впавшего в кому человека. Я ещё не общался с Костей в отеле посреди африканской саванны. До момента, как мы с ним на пару оказываемся в сопровождении загадочного усатого человека в несколько старомодной широкополой шляпе и очень высокого роста, остаётся ещё больше времени. Сейчас время узнать, что задумка Сноголовых почти осуществлена. Их приготовления вступают в решающую фазу.

После концерта Алина предложила поговорить, пока осталось время, о важных делах. Мы оставили шумное великосветское сообщество, обступившее юного гения. Знать галдела, как на базаре, наиболее активные слушатели оттирали соседей, чтобы, подхватив под локоток музыканта, изложить ему предложение, от которого невозможно отказаться: написать концерт, а то и сразу симфонию во славу одной из прекраснейших фамилий великой Франции.

Взяв по массивному канделябру, в каждом - по целой россыпи толстых свечей, мы отправились в полутьму

бесконечных анфилад комнат Версаля. Никем не замеченные, никем не узнанные.

Мимо нас, пока мы шли, проплывала увековеченная на живописных полотнах и гобеленах история государства, история народа, который к двадцатому столетию как никто углубил свои познания в сфере психики человека - мотивов его поступков, особенностей поведения, изучению второй стороны существования сознания - на территории сновидений.

- Как тебе выступление гения?

Алина посмотрела на меня, и горящие в канделябре свечи, который она несла, погладил её лицо тёплыми оранжевыми пальцами.

Я вместо ответа принялся разглядывать картины, висящие на стенах коридора, через который мы шли. В полутьме, которую рассекали светящиеся коконы зажжённых свечей, разглядеть, что именно изображено на полотнах, было довольно затруднительно. Надо подойти поближе и поднять источник света над головой.

- Выступление было замечательным. Я ощутил, как музыка меняет саму структуру реальности вокруг меня. Я помню, что всё это сон, но при этом я ощущал, пока слушал музыку, как внутри этого сна я получил возможность заглянуть чуть дальше, чем наше общее сновидение.

Я поднял канделябр над головой, чтобы продемонстрировать, что я имею в виду. Несколько капель

горячего воска сорвались с крайней к моему лицу свечи и больно ужалили меня за нос.

Алина рассмеялась. Достала откуда-то из-за лифа платья кружевной платок и передала мне, чтобы я стёр уже остывший и застывший воск с покрасневшего кончика носа.

- Ты прав, магистр Александр. Музыка - крайне важное звено в общей цепи причин и следствий, из которых складывается восприятие человеческим разумом двух миров - реальности и сновидений. - Алина развернула веер лёгким движением кисти. - Как этот веер подчиняется движению моей руки, так и картина мира разворачивается перед тем, у кого в руках ключ - музыка.
- Хочешь сказать, что концерт Моцарта - это ключ?

Алина покивала головой: нет.

- Моцарт - это напоминание о том, что человеку подвластны тайны мироздания, если он в достаточной степени обладает слухом. Музыкальным, сновидческим, техническим. Разные виды бывают. У тебя вот есть сновидческий точно, музыкальным тоже располагаешь на начальной стадии, но не это главное. У тебя есть способность слышать внутренний голос сознания, слышать душу. И то, что я тебе говорила о музыке, как и то, что ты понял сам, что ещё поймёшь, - это всё поможет тебе в решающий момент.
- Моя способность к эмпатии?
- Можно её и так назвать.

- Так в том, что она у меня есть, не моя заслуга. Это всё бабка моя. Хотя, если так подумать, я думаю, что это ещё раньше началось. То, что мне перешло как дар, от прадеда Леонтия.
- Леонтий - это важно. Тебе с ним, думаю, скоро предстоит встретиться. Ощущаю сомнения в тебе зреют. Но не о нём хочу говорить. Хочу говорить о тебе.
- Так говори.
- Спасибо, ваша светлость. - Алина посмотрела на мой нос. - Нос обжёг. Вижу, как он сияет в темноте.

Я смутился. Алина протянула руку и примиряюще погладила меня по рукаву.

- Не смущайся ты так. Я ведь тебя очень ценю. Положение моё обязывает видеть больше других, заглядывать дальше. Брать на себя тоже больше. Иногда хочется побыть чуть менее ответственной, позволить себе маленькие слабости. Венский штрудель в уличном венском кафе. Моцарт. Побывать в мастерской Джексона Поллока, пользуясь положением иерарха. Пошутить над тобой, пользуясь тем, что мы друзья и играю весьма непростую и ответственную роль в том, что происходит в твоей жизни.
- Я ценю твоё отношение, Алина. Ты помогаешь мне твёрдо стоять на ногах. И в реальности, и в мире снов.
- Не переоценивай меня. И мои возможности. Всё, чему ты научился, все твои новообретённые способности, - это всецело твоя заслуга. И поэтому ты

сейчас расскажешь мне, для чего я привела тебя послушать Моцарта.

В этот раз я не стал уходить от ответа, разглядывая картины. Я понял, что могу, при желании, разглядеть их до мельчайших деталей. Потому что музыка ещё звучит во мне. Потому что это сон. Потому что во сне правила устанавливает сновидец.

- Сегодня я понял, что могу, используя свой дар, полученный в наследство, в своих странствиях по территории сновидений слышать голоса не моих снов. Даже тех, частью которых я не являюсь. Слышать их без приглашения. Не подглядывать, а ощущать общий эмоциональный фон. Когда я закрыл глаза, чтобы лучше слышать музыку, я отсёк все лишние звуки, сосредоточившись только на звучании инструмента, на нотах, которые извлекает из него музыкант. Я так хорошо смог услышать, что он играет, что смог услышать его самого. Я услышал, о чём думает Моцарт, когда играет музыку. Я смог ощутить то же самое, что чувствует он. Я услышал голос его музыки, и он помог услышать мне его самого.
- О чём же он думает?
- Он так же, как и я, целиком отключается от внешнего мира. Для него, пока он играет, всё в мире перестаёт существовать. Он слышит музыку кончиками пальцев. Он ощущает её всем своим сознанием - разумом и душой, мозгом и сердцем. В каком-то смысле он не думает не привычными категориями, не

тем, что можно облечь в слова. Он думает нотами, звуками, созвучиями, мелодиями. Он на то время, пока играет, становится проводником чего-то большего, чем он сам. Когда Моцарт играл, он и был музыкой. Его тело стало камертоном. По этому камертону ударил палец Бога, и он зазвучал. Он начал распространять звуковые волны, которые, попадая в резонанс с другими звуками-душами, создаёт волну. Я бы назвал это божественным откровением.

Алина ладошкой свободной руки постучала себя по запястью руки, в которой сжимала ножку канделябра.

- Браво, маэстро... магистр. Я не сомневалась в твоей способности дойти до самой сути, пользуясь самой маленькой подсказкой.
- Подсказок было предостаточно. Ещё в тот раз, когда прадед во сне сказал мне, что увидеть душу другого можно, если освободить от волнений свою собственную душу. Он это и о рауме говорил, просто, как священнику, ему проще и вернее говорить о том, что первым отзывается на зов веры. Теперь я окончательно понял, что он имел в виду. Если открыть своё сознание для восприятия так, как я сделал сегодня, я смогу слышать и ощущать на территории сновидений ещё больше, иметь возможность заглядывать ещё дальше. А там, кто знает: вдруг это и в реальности, когда я бодрствую, мне поможет.
- Обязательно поможет. Надеюсь, что очень скоро тебе новый твой навык не только поможет, он сначала

тебе пригодится.

- Вы что-то новое узнали?
- Да. Пока мы занимались разными мелочами, не сразу удалось зафиксировать отток энергии из Потока.
- Они научились воровать энергию снов?
- Сноголовые? Они и так её слегка приворывают. Делают врезки, как мелкие аферисты, в общий “нефтепровод”. Но это как раз не проблема. Избавить человечество от кошмаров мы не в состоянии, но сделать так, чтобы плохие сны снились пореже, - это нам пока удаётся. Дело не в этом. Они действуют за границами.
- В смысле? Хочешь сказать, что они проникают в наш мир? - я почти выронил канделябр. Ещё бы немного, и я бы спалил дубликат Версаля, хранящийся в запаснике памяти на территории сновидений.
- Нет. К счастью, они ни при каких условиях проникнуть за мембрану не в состоянии. Но мы, успокоившись на этом, не придали значения тому, что они нашли способ, как со своей стороны протянуть свои щупальца, или что у них там, на нашу сторону.

Ближайшие минут десять-пятнадцать Алина излагала мне то, что я разложил по пунктам чуть ранее. Алина в качестве большой жирной точки благословляет меня отправиться на охоту. На “зверя”, равного которому я ещё никого не встречал.

- Так, это всё весьма занятно. На таком материале можно, пригласив Вадима Зеланда, написать

эзотерический хит, - это я пытаюсь переварить полученную информацию.

- Когда... если всё это закончится в нашу пользу, дари идею кому хочешь. Можешь сам книгу написать. Можешь Далай-ламу в соавторы позвать: подобные темы, о зыбкости границ между мирами, буддистам нравятся. Мы же иной веры: у нас то, что происходит в жизни, отражается каждым поступком в том, что ждёт нас по ту сторону, но до поры до времени не смешивается. Вера у нас такая, что я, лично я, верю в то, что ты всё сделаешь. Мы будем тебя поддерживать, что называется, “с воздуха”, то есть на той стороне. Но пока не спишь, придётся думать и решать самому. Я не предлагаю тебе действовать в одиночку, потому что знаю, что ты попросишь о помощи Костю. Вернее, он тебе сам предложит. Ты ещё не всё о нём знаешь: будет сюрприз.
- Сюрприз?
- О да. Правда, я не знаю, какой: он бережёт некую информацию о каком-то артефакте надёжнее, чем опальные президенты берегут реквизиты своих счетов на чёрный день. Я не знаю, когда всё случится, но могу чуть больше рассказать о том, где ждать гостя.
- Только не говори, что...
- Да, гостя принимай в своём городе.
- Но почему? Чем Петербург важнее того же Нью-Йорка? Все великие события, включая концы света, начинаются там. Если что, там подключатся Мстители...

- Ты забыл, что Танос уже щёлкнул пальцами?
- Как бы нам не прощёлкать...
- Мы справимся... ты справишься.
- Почему я должен снова всё делать один?
- Ты не один, Саша. Мы будем рядом. Просто так выходит... так вышло, что это сможешь сделать ты один. Да что я тебе объясняю: спроси у прадеда. Он всё расскажет лучше меня.
- Ну хорошо. Один так один. Я понимаю, что в таких делах один гораздо лучше множества. Эфир чище. Меньше возмущений в окружающем пространстве, чище сигнал. Если территорию сновидений вокруг точки, где должен появиться нежеланный гость, начнут прочёсывать все сотрудники министерства, такое эхо услышат даже с той стороны. Сноголовые не дураки. Потому я, со своим умением слышать то, что другие не слышат, услышу некий сигнал, который мне подаст нечто, что принесёт с собой гость.
- Да. Ты должен будешь услышать зов уже похищенных голосов городов.
- Я пока не могу взять в ум, что это за голоса, - я растерянно потёр ещё слегка саднящий нос. - Город - тоже живой?
- Не в том смысле, которое ты вкладываешь в слово. Тебя ведь не удивляет, что деревья видят сны? Нет? Ну вот, видишь. Тогда тебя не должно удивить и то, что ещё Кэмерон в Аватаре показал - о связи сообществ живых существ, через общий резонатор. Так же происходит и с городами: они звучат - нашими общими

голосами. Это - та музыка, услышать которую может такой гений по распознаванию музыки нашего мира, как ты.

- Допустим. Но я по-прежнему не понимаю, зачем все эти голоса Сноголовым собирать в одном месте, в Петербурге?
- Смотри: то, с чем приедет гость, которого ты должен будешь вычислить, собирались очень долгое время. Минуты по времени территории сновидений, но на несколько порядков дольше по времени нашей реальности. И собирались голоса городов по схеме, не все подряд, до каких руки дотянутся. Города со всех континентов, как правило, небольшие, о которых никто сильно много говорить не будет, если у них что-то не так пойдёт, если начнут приходить они в упадок. Маленьких большинство, потому что легче жителей таких мест смутить, расшатать их чувство локтя, сделать так, чтобы город, в котором они живут, перестал для них быть важным. Одними малыми городками дело не ограничивается. Да, слишком Сноголовые не нагледят, но пользуются моментом. Слышал, к примеру, о Детройте? О том, что с городом стало? Город-призрак в некотором смысле сегодня. Про пустые города в Китае, которые строили с надеждой на то, что в них заселятся сотни тысяч людей, но так и не заселили, ты тоже вряд ли слышал. Даже новый город, который только начал свой жизненный путь... мог начать, даже такой город - хорошая добыча.

Алина остановилась. Я тоже. Мы незаметно дошли за разговором до тёмной, словно матово непроницаемой двери.

- Пора нам заканчивать, Саша. Здесь мы расстанемся. Если в двух словах, именно в Петербурге, а не в Москве, Нью-Йорке или где-то ещё удобнее всего будет действовать. Я назову главную причину такого выбора, но тебе не понравится. Из-за тебя...
- В смысле?
- В том смысле, что ты оберегаешь город. И во сне, и наяву. Раз уж обрёл такой дар наяву, раз ещё и во снах научился путешествовать, раз так много стран посетил, принеся и каждой в своей душе частичку их уникальности, частицу их голоса, то вот так и сошлось всё. Лакомым куском стал твой город, Саша. Ещё и момент крайне удобный. Чемпионат. Миллионы приезжих. Каждый привезёт с собой голос своей родины, мелодию своего города. Все эти люди будут взбудоражены, они будут расплескивать вокруг себя энергию. Она будет смешиваться, создавать волны возмущения, гасить голос города, и при этом город станет усилителем для чужих голосов. Возмущение в Потоке. И самый удобный момент для госты - это новолуние. Есть несколько объяснений, почему именно новая луна, но самое главное в том, что Луна - покровительница территории сновидений. В тот период, когда Луна в новой фазе, когда она только начинает расти, мембрана между явью и территорией сновидений истончается. Оттуда, конечно, никто не

прорвётся, но вот туда можно передать то, что в обычных условиях сделать невозможно.

Алина посмотрела на меня пристально, договорив:

- Всё понял?

Я кивнул. Алина кивнула в ответ, видимо, удовлетворившись моей реакцией. Затем она ловким движением кисти расправила веер и обмахнула себя. Наряд, в котором она была всё это время, испарился цветным облачком, как будто был пламенем свечи, погасшим от дуновения.

Под платьем на Алине была пижама. Парик, также растаявший на её голове, открыл свободно спадавшие на плечи тёмные волосы.

Она ещё раз посмотрела мне прямо в глаза. Увидела там что-то, что её убедило. Кивнула сама себе. Отвернулась и в два размашистых шага достигла двери и обеими руками толкнула её от себя. За дверью была её спальня, за окном уже было светло.

Дверь захлопнулась за ней, и меня унесло потоком назад по бесконечному тёмному коридору. Я стал падать в него, а по обе стороны, сливаясь в пёструю ленту, проносились многочисленные картины. “Прощай, Версаль”, - подумал я и упал в кровать. Я проснулся.

ГЛАВА 6. ЛЯ

Вот скоро и конец. Все вводные получены. Осталось только определить место встречи.

В широком смысле мы уже на месте. Я и Костя. Мы в Петербурге. Середина лета. Год 2018.

Костю я встретил утром в Пулково. На такси мы приехали в центр. Определили эту зону местом начала поисков.

Вышли на Невском и решили просто пройтись, сворачивая к главным достопримечательностям. На одной из речных набережных мы встретили весьма интересного экскурсовода.

Мужчина в солнечных очках, с пышными усами и в старомодной широкополой шляпе, но при этом не похожий ничуть на главного мушкетёра страны, прохаживался с мегафоном на шее и с небольшим плакатиком. Плакат обещал незабываемые прогулки по крышам города. Мы бы прошли мимо, но Костю привлекла одна фраза с плаката. Рекламное обещание: “Город в ином измерении”.

Мы решили купить экскурсию, резонно предположив, что, возможно, вид сверху поможет увидеть город под иным углом зрения. Поможет разглядеть то, что мы упустили.

Я на правах принимающей стороны решил взять переговоры на себя.

- Здравствуйте!

Мужчина повернулся к нам и внимательно нас осмотрел. За непрозрачными стёклами очков не было видно, что при этом выражал его взгляд: одобрил он то, что увидел или же сейчас отправит нас к кому-нибудь из своих коллег. Пока он нас разглядывал, я обратил внимание, что на ногах мужчины были забавные старомодные ботинки с блестящими пряжками. В почти таких же я расхаживал по Версалью, изображая представителя знати Людовика XV. Это было так давно. И как будто я только что очнулся от того сна.

Наконец мужчина прервал молчание и заговорил. Голос его был глубоким и гулким, как будто исходил из висящего у него на шее мегафона. Впрочем, зловещим он не был, напротив - задорным и каким-то по-отечески тёплым.

- Здравствуйте, дорогие гости. Хотите прогуляться по крышам? Весь город уже ногами исходили по земле, пришло время и с воздуха взглянуть на град Петров, на детище моё?
- Да нет, мы не совсем гости... - я начал оправдываться, но что-то в словах мужчины меня заинтересовало: он сказал “детище моё”.
- Простите, в каком смысле: ваше детище?

Мужчина раскатисто захохотал, и на мгновение я словно переместился из тёплого летнего дня посреди Невского проспекта в июле 2018 года в тот день, когда император Пётр Первый выбрал наконец среди болот место для стольного града и объявил, что здесь ему и быть.

- А в том смысле, что зовут меня Пётр. Об отчестве не спрашивайте: лучше сразу угадайте, - мужчина протянул нам поочерёдно большую сухую и крепкую ладонь, принимая нас этим рукопожатием в некий внутренний круг.
- То есть вы как Пётр Первый, император Российский? - спросил Костя.
- По имени и батюшке - точно как он. Только не император я над этими землями, я управляю крышами этого города.
- Вы заправляете всеми, кто проводит экскурсии по крышам в городе? - это уже я интересуюсь: вдруг пригодится.
- Нет, что вы, - мужчина подкрутил усы и усмехнулся. - люди этого города давно сами себе хозяева, я им не указ. Каждый делает то, что хочет или хотя бы что может. А я только смотрю на это с крыш и радуюсь. Я люблю этот город, но никого не хочу принуждать к чему-то из живущих в нём. Я в другом смысле. Я знаю такие маршруты, которыми вас никто, кроме меня не проведёт.
- Это мы хорошо к вам подошли, - я показываю пальцем на его табличку. - “Город в ином измерении”. Это как раз то, что нам с другом очень сейчас пригодилось бы. Дело в том, что мы хотим найти одно место в городе. Но мы точно не знаем, что и где нам искать. Думали, вдруг станет яснее, если взглянуть на город с иной точки перспективы, сверху.

- И вы правильно пришли к Петру. Я вам покажу весь город. Как на ладони его увидите. Да что там: сможете, воспарив, как птички, над уличным шумом, услышать то, чего с земли не ощутить, не принять сердцем.

После этих слов я убедился, что снова моё чутьё вывело меня туда, куда надо.

Пётр Алексеевич, пока мы шли к началу маршрута, успел всецело завоевать наше доверие. Классический типаж коренного петербуржца: начитанный, воспитанный, благожелательный, слегка едкий и саркастичный - это уже влияние родных болот и ветров.

Мы почти сразу сдались под его дружелюбным напором, расслабились, стали шутить и смеяться. Напряжение, которое витало над нашими головами с утра и сопровождало наши мысли, рассеялось. Мы решили с Костей, что город сам приведёт нас туда, куда надо.

На Невском было настоящее столпотворение. Группы шумных болельщиков разных оттенков кожи и разноязыких, одетых в цветастые футболки в цветах сборных команд их стран. Все кричат, поют, обнимаются, смеются, едят мороженое. Дудки, барабаны, футбольные кричалки на разных языках и понятное без перевода в любом уголке мира “оле, оле, оле”.

Проезжающие мимо машины гудят клаксонами, из окон высовываются люди, что-то кричат, девушки машут руками и улыбаются, а в улыбках их - солнце, лето и обещание счастья.

“Всё будет хорошо. Мы не можем испортить такой праздник. Мы всё сделаем правильно”. Это я иду и убеждаю

себя, разглядывая людей. В этот день никто не хочет грустить, все верят в то, что так будет всегда, что ничего дурного не произойдёт. И я не могу допустить, чтобы мой город стал причиной больших печалей. Я не могу представить, что мой любимый город станет причиной конца света.

Косте кто-то позвонил по телефону. Он извинился и чуть отстал от нас, пытаясь перекричать крики весёлых болельщиков.

Пётр Алексеевич наклонился ко мне, перестав на время возвышаться каланчой над общим людским потоком и ободрительно прошептал:

- Ты не переживай, Саша. Всё получится. Я вам помогу. Я тебе помогу. Ты - петербуржец. Ты принадлежишь этому городу, а он не может без тебя. Мне с крыш видно очень многое. Не только то, что люди делают, но последствия. Всё это поднимается над крышами и плетёт свой хитрый узор. Я смотрю на это, и следую за теми нитями, которые мне особенно интересны. Я не знаю имён тех, кому нити принадлежат, но чувствую, когда человека встречаю, что одна из таких нитей ему может принадлежать. Сдаётся мне, что и тебя я знаю, видел, сколько ты всего хорошего сделал.

Я уже даже не удивляюсь услышанному. Когда Костя заканчивает говорить по телефону и присоединяется к нам, я твёрдо решаю, как только мы окажемся на крыше, всё

рассказать Петру Алексеевичу. Он не посчитает нас сумасшедшими.

И вот мы все - я, Костя, Пётр, как и вы, читатели - оказались на той крыше, с которой началась история. Крыша здания напротив Казанского собора. Его купол на фоне голубого неба представляет собой настолько идеальное зрелище, что я зажмуриваюсь. Открыв глаза, ощущаю, как голова немного кружится, словно я ударился обо что-то и теперь слегка звенит в ушах. Через парапет низкого ограждения у края крыши я замечаю в цветной толпе на другой от здания стороне улицы тёмную фигуру. Станный человек словно не шагает, как делают все люди, а скользит между прохожими, как холодные острые лезвия портняжных ножниц разрезают ткань.

Я наблюдаю за человеком и ощущаю покалывание в кончиках пальцев. Внезапно человек оборачивается и моментально находит меня глазами, подняв голову вверх.

У него волчьи глаза. Я вижу это даже отсюда. Волчьи не по цвету, а тем, как он смотрит на меня. Как будто оценивает, сможет ли оттуда допрыгнуть до меня. Мне становится не по себе, и я решаю разрядить обстановку, словно я столкнулся с волчьим человеком в толпе, ненароком толкнув его и должен извиниться, но слова застряли в горле от его взгляда. Я помахал ему - и как будто приветствуя, и словно прося прощения за что-то, умоляя не сердиться, и как будто отгоняя исходящие от него тёмные волны.

Я поворачиваюсь к Косте и Петру, которые уже стали друзьями и что-то оживлённо обсуждают: я точно минимум

дважды слышал слово “пасха”, и это они не о религиозном празднике точно. Об острове Пасхи.

- Костя, Пётр Алексеевич, можно вас отвлечь на минутку?

Они умолкают и оба смотрят на меня.

- Можете подойти ко мне? Хочу показать вам одного странного человека. Он как бельмо на глазу там, на улице. Выделяется среди всех.

Они осторожно подходят ко мне, но уже поздно. Я смотрю вниз и вижу, что человека, смутившего меня и почти напугавшего своей реакцией на то, что я его рассматривал, уже нет. Он исчез. Как будто мне это приснилось.

ГЛАВА 7. СИ

Человек с волчьими глазами всё утро бродил по городу, заглядывал во дворы и заходил в некоторые парадные. Со стороны могло показаться, что он что-то искал или напротив - бесцельно блуждал, чтобы убить время в ожидании нужного момента. На самом деле он запутывал следы. Оставлял свой запах в самых неожиданных местах, чтобы сбить со следа.

Он не скрывался так, как это делают преступники: меняют машины, уходят дворами и тому подобные финты. Ему было не так важно, увидит его кто-то или нет. Его задачей было не позволить тем, кто сможет ему помешать, засечь его ауру, чтобы затем отследить её на энергетической карте города. Он запутывал следы, чтобы его не увидел я, чтобы не смог догадаться, куда он движется, не сумел прочитать его намерений. Он бы сделал всё правильно, если бы не вмешался сам город. Из-за одного досадного инцидента он крайне нелепо подставился. Допустил оплошность, позволил мне увидеть его...

Неприятность подстерегла человека-волка где-то в районе Гороховой, когда он очередной раз прошёл через дворы, сбросив некий запас в виде энергетической сигнатуры. В животном мире это называется “пометить территорию”. Потереться о дерево или обрызгать особой жидкостью границу территории. Только он не метил территорию, а на

всякий случай создавал наведённые иллюзии, “размножал” свой образ на как можно более рассеянной территории, чтобы в нужный момент в режиме невидимки, не издавая ни звука и ни запаха, добраться до нужного объекта. Он несколько увлёкся оставлением фальшивых меток и проголодался раньше срока. Пришлось искать место, где бы можно было купить что-нибудь из быстрой еды, не попав при этом под прицел камер.

Камеры в заведениях общепита практически везде. По крайней мере, так в Европе. Он не совсем был уверен, что город, в котором он оказался, европейский. Однако решил не рисковать. На какой бы континент не заносила его работа, он всегда страховался по общей схеме. Ради того, чтобы не повторить случай, который с ним произошёл в одном из американских городов несколько столетий назад.

Он тогда был намного моложе. Не физически - внешне он как раз почти не изменился с тех пор. Он ещё только учился жить в человеческом мире, зная, что выполняет важную миссию и при этом никто не догадывается, кто он на самом деле. Не догадываются, то есть не начнут его преследовать, бегать с факелами и заряженными серебром ружьями, когда он, не в силах противостоять снам, в полную луну превращается в чуждое человеческому миру существо.

К тому времени, когда он всё же подставил себя, человек-волк понемногу стал забывать, каково это - жить под гнётом снов. Как это - знать, что каждый раз, когда серебряный глаз Луны откроется полностью, ты не сможешь противостоять снам. Сны начнут менять тебя. Твоё сознание растворится в лунном призыве.

Его жизнь изменили новые хозяева. Он ни разу их не видел. Однажды во сне он ощутил чужое присутствие. Сначала он по привычке заблокировал попытку проникнуть в его голову, но тогда пришли кошмары. Не такие, в которых он видел, как сбрасывает с себя, точно оболочку, человеческую кожу, обнажая чёрную с серебристым отливом шерсть и канаты тугих мышц под ней, оскалённую морду с огромными зубами и сильные лапы с огромными когтями. В таких снах он становился оборотнем.

Не таким, как изображает его популярная культура. Он становился огромным пещерным медведем, примерно раза в полтора выше самых крупных его сородичей из животного мира.

Те периоды, когда он видел сны об этом, были самым худшим в его жизни. Ему приходилось скрываться, уходить как можно дальше от мест, где его могли бы увидеть люди. Он помнил, что произошло вскоре после его рождения. Это было очень давно, но сны об этом он видел постоянно, когда не видел кошмары о собственном превращении.

Пещера, затерянная среди норвежских фьордов. Немногословный и заросший чёрно-серебряными волосами отец. Грубоватая, но внимательная к каждому члену семьи мама. Старший брат. Он. Всего как пару месяцев от роду. Обычная семья оборотней. Медведей-оборотней. Редчайший вид даже в те времена, когда он появился на свет. Это было в те времена, когда, к примеру, Британские острова ещё были варварской территорией.

Они жили спокойно. Тихо. Тайно. Но их нашли. Мать успела его спрятать. Люди, пришедшие в их дом, называли

себя охотниками на демонов. Они выбрали весьма удачный момент: новолуние, когда вся его семья была слаба. Они только пережили обратную трансформацию. И в эту ночь их пещера озарилась светом факелов, в ней поселились хриплые крики людей, жуткие чавкающие и рубящие звуки, звериные крики членов его семьи, исходившие из их глоток, когда они были в человеческом обличье. Запах крови.

Он ничего из произошедшего, к счастью, не видел, но слышал всё. Его спрятали в тайник, где обычно... там его семья хранила еду. Лучше не уточнять, что это была за еда.

Лучше не уточнять, как он выжил после того, как охотники ушли. Они оставили тела членов его семьи. Отца. Мамы. Брата. Они только забрали их головы.

Жестокая сцена, скажете вы? До этого всё было довольно благостно, философски. В этой сцене не больше жестокости, чем в действиях охотников, которые ездят на охоту как на отдых. Фотографируются с тушами убитых животных. В это время из зарослей за ними, за мигом их трусливого триумфа, могут наблюдать глаза того, кто остался жить. Остался, но видел, как убили кого-то из его семьи. Отца. Мать. Брата. Есть целый телевизионный канал “Охотник и рыболов”, есть канал “Охота”. Там в абсолютно умиротворённой обстановке рассказывают, как охотиться на живых существ. Ради удовольствия. Ради азарта. Такова человеческая природа. Что ж, если такова, тогда не стоит отворачиваться и от истории человека-волка. Ему досталась роль отрицательная, так что вы в полном праве не сочувствовать ему.

Стоит дослушать историю до конца.

Когда охотники ушли, он ещё долгое время лежал в тайнике, боясь пошевелиться. Несколько дней без воды и пищи. Ходил под себя. Он очень сильно боялся.

С действительностью его примирил голод. Запах крови и начинавшего подтухать мяса выгнал его наружу. Он впервые увидел, что стало с его семьёй. Он плакал. Долго и разрывая себе сердце растущей внутри болью. Когда слёз больше не осталось, он решил выйти наружу. Он утолил жажду. Отмылся от нечистот, которые покрыли его тело коркой.

Он ощутил голод. Но он ещё не научился охотиться. Так вышло, что во время последней трансформации его мама, папа и брат не охотились - ни на людей, ни на животных. Он так и не узнал, почему. Он только слышал, как вечером, накануне страшной ночи, отец говорил маме, что отправится завтра на охоту. “Всё будет теперь иначе, дорогая”, - вот так он сказал.

Отсутствие запасов в доме помогло ему выжить. Оно же едва не стало причиной его гибели. Он не мог охотиться. Любой олень затоптал бы его. Потому он вернулся домой. Он очень долго не мог решиться, но принял решение. Он использовал, чтобы выжить, тела погибших близких.

Сны об этом преследовали его много лет, на протяжении всей его жизни. Пока его не спасли от этих ужасов новые хозяева. Они стали управлять его снами, они забрали его сны - совсем, навсегда. Он стал исполнять всё, что им нужно, в благодарность за ночи без сновидений, за ночи при полной луне, когда он больше не мог бояться, что не сможет себя контролировать. Он стал просто необычным человеком с волчьим взглядом, человеком-волком. Мало кто может

представить, что оборотни - это не только волки. Так что лучше называть вещи привычными именами. Волк, к тому же, не так угнетает, как медведь. С волком, если подумать, можно справиться, с медведем уже сложнее.

Всё шло хорошо очень долго. До того случая в занюханном городишке, где он позволил себе утратить контроль. К тому времени он свыкся со своей ролью существа в мире яви, получающего указания из мира сновидений, но при этом сам снов не видит. Привык к изменённому себе настолько, что утратил контроль. Ощутил нечто вроде привязанности к людям. Ещё бы: они не охотились на него, не загоняли в угол, а он не делал им зла. Подумаешь, забирал то, о существовании чего они даже не догадывались: какую-то там энергию.

Он дал слабину. Один раз. Купился на историю беспризорника, кто оказался вором и подлецом.

Он встретил мальчишку, когда выходил из харчевни, где отметил окончание очередного этапа задания. В его саквояже лежал первый хрустальный шар из новой партии, крайне важный.

Мальчишка, который подскочил к нему, умоляюще глядя ему в глаза и выпрашивая самую мелкую монетку или хотя бы кусочек чёрствого хлеба, напомнил его самого. В то время, когда он совершенно беспомощный, один во всём мире, среди тел членов его семьи, знал, что ему не хочется умирать и он должен выжить любой ценой.

Впервые за всю свою долгую жизнь, увидев этого мальчишку, он подумал, как всё могло бы сложиться, успеи его кто-нибудь спасти от голодной смерти прежде, чем он

решился на самый страшный из возможных вариантов. Он тогда был растерян, напуган и обессилен. Будь он чуть постарше и имей представление о том, как охотиться, он бы не сделал того, что ему пришлось.

Как этот мальчишка. Если бы кто-то вовремя протянул мне руку. Примерно так подумал он тогда. Он решил для себя, что люди не так жестоки, как может показаться. Возможно, жестокими они вырастают в тех случаях, когда в детстве так и не дождаются помощи. Он решил помочь мальчишке.

Он дал ему денег, но попросил не убегать, ощутив, что парень, привыкший никому не доверять или видеть в подачках взрослых нехорошие мотивы, получит деньги и тотчас убежит. Он впервые за много лет, если не веков, попытался улыбнуться человеку - своему природному врагу. Он протянул руку примирения. Мальчик взял деньги и не убежал. Он принял его добро, но не сумел отплатить тем же. Возможно, человеческая натура такова, возможно, тот мальчишка так долго был изгоем в человеческом обществе, что при всём желании не мог уже жить по его законам. Мальчик обманул. Мальчик обманул доверие человека-волка. Он просто не знал, чего тому стоило пойти на этот шаг, сделать жест доброй воли, стать добрым.

Он пригласил мальчика в хорошее заведение, где обещал накормить, и ничего не потребовать взамен, а деньги, которые он уже дал, не заберёт обратно. Он просто хотел поговорить с тем, кто испытал то же самое, что и он.

Он не успел ни о чём толком поговорить с мальчишкой. Тот отвлёк его, едва они зашли в большой ресторан, где была

кондитерская стойка. Мальчишка открыл рот от увиденного великолепия. Никто никогда не приглашал его в такие заведения. Максимум, что с ним случалось - брошенная мелкая монетка или обещание купить еды с уличного лотка. Обычно за это следовало платить. Сходить с добрым господином в тёмный проулок, откуда господин выходил повеселевшим, а мальчик ещё более озлобленным на весь мир.

Мальчик не верил, что в этот раз будет иначе. Не исключено, что этому господину с холодными звериными глазами нужно нечто большее. Мальчик захотел провести его, а в его лице - всех тех отвратительных господ, кто прикрывался добрым делом, а на самом деле - удовлетворяли свои низменные инстинкты.

Парнишка попросил доброго господина, очередного доброго господина, занять самый дальний от манящей витрины со сладостями столик. С другой стороны, столик находился в непосредственной близости от чёрного выхода. Когда они сели за столик, к ним подошёл официант, Лакей неодобрительно взглянул на оборванца, но подобрел в тот момент, когда господин с волчьими глазами вытащил ассигнацию и потребовал принести всё самое лучшее, что подают в ресторане. Щедрый клиент может иметь маленькие причуды. С такой мыслью официант, в надежде на хорошие чаевые, умчался на кухню.

У парнишки загорелись глаза. Он смекнул, что господин не так прост. Раз он расплачивается такой крупной ассигнацией, значит, в его саквояже их может быть ещё больше. Не исключено, что он только что заключил

выгодную сделку и потому так добродушен. Или всё ещё проще: он хочет отметить сделку по-своему, а уличный оборванец, который никому не пожалуется, что с ним ни делай, это награда господину за хорошо выполненную работу. Подарок, который он выбрал сам.

Мальчик начал работать. Он так недвусмысленно смотрел на полку со сладостями, постоянно отвлекаясь от осторожных, но добродушных расспросов незнакомца с холодными глазами, что господин сам предложил что-нибудь купить мальцу. “Вы так добры, сэр. Может, яблоко в карамели?” Мальчик сыграл как по нотам. Господин встал, оставив саквояж под столом и пошёл покупать сладость.

Когда он вернулся, мальчика уже не было. Сначала он подумал, что тот отвлёкся на что-нибудь и пошёл посмотреть, но сразу же заметил, что под столом нет саквояжа.

Человек-волк взревел так, что задрожала посуда на столиках. Господа и дамы, и так неодобрительно смотревшие на странную парочку, оторопели. В этот момент не ко времени подоспел официант, который хотел уточнить какую-то деталь относительно гарнира. Лучше бы он не подворачивался под руку.

Человек-волк был так разъярён, что перестал себя контролировать. Его расстроил не обман мальчишки, а то, что он украл саквояж, в котором не было ничего ценного. Кроме одного крайне важного хрустального шара.

Если он не отдаст хозяевам этот шар, его обязательно накажут. Накажут так, что любая физическая попытка покажется лаской.

Поняв, что его ожидает, человек-волк, схватился за край стола. На его пальцах стали расти когти, жилы на шее вздулись, а хорошо подогнанный по фигуре костюм из плотной и прочной дорогой ткани затрещал по швам. Он начал трансформировать - от вспышки ярости, какой не испытывал никогда. Он ощутил себя не просто обманутым - преданным. Предал его тот, кого он по наивности посчитал равным себе. Способным понять его боль. Он поверил человеку.

Мысль о том, как его провели, окончательно затуманила разум человека-волка. Последнее, что он помнил перед тем, как пелена кровавого тумана застила ему глаза, как трещит под его когтями толстая белая скатерть и прочный дубовый стол под ней. Он схватил стол руками, к тому времени более похожими на лапы дикого зверя, и снёс официанта, в ужасе поднявшего руки, чтобы защитить голову.

Официанта снесло как пушинку. Пригвождённый к столу, он вместе с тяжёлой дубовой доской, ставшей для него крышкой гроба, рухнул в обуянную ужасом толпу посетителей ресторана.

Тот случай попал во многие газеты. Даже в европейскую прессу - как курьёз, но всё же. Человек-волк выбежал из ресторана, цепляясь за остатки воли, но было поздно. Он засветил себя. Провалил задание. Поставил под угрозу важное дело. Эта неудача отбросила его хозяев на несколько десятков лет по реальному времени. И они наказали. Они вернули кошмары, которых человек-волк... человек-медведь не видел уже много лет. Наказание длилось почти сто лет.

Каждую ночь он видел, как его семью убивают и как после этого он вынужден питаться их телами, чтобы выжить.

Слишком высокая цена за то, чтобы попробовать стать человеком. Он выучил тот урок и более никогда не испытывал жалости к людям.

Мальчишка. С ним произошла такая история. Он так радовался тому, что ловко обвёл вокруг пальца господина-извращенца, сбежал с его саквояжем, набитым сокровищами, что забыл о плачевном состоянии своей одежды. Пока он пробирался тёмными углами от столика к выходу, а затем - с хохотом бежал по грязному проулку, чтобы исчезнуть в лабиринте городских улиц, он обронил деньги, которые дал ему господин.

Узнал он это уже после того, как открыл саквояж, но не нашёл внутри ничего стоящего, кроме пары брюк, рубашек, смены белья и глупого шара. Сначала шар, на ощупь похожий на стеклянный, его заинтересовал. Он светился изнутри, а если поднести его к глазам, можно было различить, как внутри переливаются какие-то потоки.

Мальчишка первым делом попытался разбить шар, но это ему не удалось. Расстроенный неудачным ограблением, сулившим золотые горы, мальчишка бросил шар под ноги, пнул саквояж, так что из него высыпалась в грязь вся одежда. Так и не узнав, что он совершил, беспризорник зарылся в тряпье и забылся сном, а утром его ждали два разочарования. Во-первых, шар за ночь потускнел и потух, став обычным стеклянным шариком. Во-вторых, деньги пропали. Точнее, мальчишка их потерял где-то, пока убегал.

Впрочем, мелкая неприятность привычного к самым дурным вестям мальчика не опечалила. Через пару часов он всё же добился своего, подрезал бумажник у одного ротозея.

Через год, одним жарким летним днём, превратившийся в жестокого циника мальчишка, по злому умыслу дразнил бешеную собаку, пытаясь её пнуть. Животина извернулась и цапнула озорника за босую ногу. Мальчик умер от вируса бешенства, не получив никакого лечения.

Финал той истории человеку-волку был неизвестен. Но ему было известно, чего он больше никогда не сделает. Он не проявит слабость по отношению к людям. Почти сто лет страданий, которые, как он полагал, больше никогда не будут его мучить, стали достаточным уроком и наказанием.

Человек-волк стал камнем. Его могли вывести из равновесия лишь две вещи: музыка и когда кто-то брал принадлежащее ему без спроса. Что он делает с теми, кто достаёт его неправильной музыкой, на себе испытал глупый мальчишка-курсант в ночном поезде, кому точно не стоило в минувшую ночь пить. Что он делает с теми, кто пытается его обокрасть, человек-волк продемонстрировал буквально через пару минут после того, как проголодался и решил что-нибудь купить у уличного торговца.

Жара, шумные туристы и толпы футбольных болельщиков, как и уверенность в том, что ничто и никто не помешает его миссии, сыграло злую шутку с человеком-волком. Добрую для меня.

Он достал бумажник, вынул оттуда купюру, чтобы расплатиться с лоточником и не глядя стал записывать бумажник в задний карман джинсов. Рука не достигла цели.

Руку кто-то резко дёрнул сзади. Человек-волк не успел сообразить, что произошло, как из-за его спины бодро выкатил на скейте мальчишка с наглым взглядом и кривой усмешкой. Это он выхватил бумажник прямо из руки - не того господина, но он об этом не знал.

Парень принял человека-волка за очередного разомлевшего от жары туриста-лоха. Он некоторое время катил в отдалении, выбрав эту высокую и слишком тёмную для солнечного дня фигуру себе в качестве жертвы. Внутреннее чутьё его не подвело: лох зазевался. Или всё же подвело?

С бумажником в руке парень ловко покатил по кромке тротуара, лавируя среди толп туристов. Он надеялся шустро затеряться в толпе, перескочить через проезжую часть и затеряться на одной из боковых улиц, где у него был проверенный путь отступления.

Человек-волк в ярости смотрел в спину парню. Тот уезжал на скейте с его бумажником. Ладно бы - деньги, снова человеческий детёныш пытается отыметь его, нагло над ним посмеяться. Парень, словно уловив мысли своей жертвы, обернулся. Человек-волк оторопел на долю секунды: на него смотрело лицо того сорванца. Того самого, который мог бы изменить его жизнь.

Улыбка на лице мальчишки всколыхнула боль от пережитых снов. Больше такого не повторится - это человек-волк знал точно. Спортивную сумку, в которой лежал ценный груз, он держал медвежьей хваткой, а вот бумажник упустил из виду. Он потянулся всей силой своей ненависти к уезжающей фигурке на скейте. Мальчишку словно кто-то

сильно толкнул в спину. Он потерял равновесие, неловко взмахнул руками. Скейт выкатился у него из-под ног, а он сам рухнул плашмя на проезжую часть, на которую в это мгновение неспешно выруливала маршрутка с боковой улицы.

Водитель маршрутки был всецело сосредоточен на том, чтобы на жёлтый сигнал светофора успеть повернуть, минув поток машин. Он заприметил позади себя его вечного конкурента, с кем он постоянно гонялся на маршруте, стараясь первым успеть к остановке. Пару раз они даже сходились в рукопашной, но каждый раз водитель злосчастной маршрутке одерживал верх. Не был он намерен уступать и в этот раз. Пусть глотает пыль, чтоб его! Водитель маршрутки успел проскочить на жёлтый, оставив стоять на светофоре извечного соперника, да окажется просроченным его паспорт и недействительной гостевая виза. Этого оказалось достаточно, чтобы стать орудием судьбы.

Пока водитель наблюдал в одно из зеркал заднего вида, как неудачник глотает пыль, с другой стороны ему под колёса влетело тело упавшего мальчика. Автобус изрядно встряхнуло, на что пассажиры в салоне сначала отреагировали недовольными возгласами, а затем какая-то женщина на улице истошно завизжала. По борту автобуса застучало множество рук, требуя остановиться. Водитель похолодел: кажется, только что он совершил большую ошибку.

Автобус дёрнулся и застыл на проезжей части. Из-под колёс виднелась рука. Мальчик испытал на себе, каково это,

когда по твоим ногам и позвоночнику проезжает набитый людьми автобус.

Человек-волк видел всё, включая момент падения под автобус. Лоточник, который не понял, что у его покупателя украли кошелек, обернулся на шум, увидел, что произошло и всплеснул руками - то ли в ужасе, то ли пытаясь хлопнуть в ладоши. Когда он обернулся, чтобы поделиться восторженным шоком от увиденного с покупателем, того уже и след простыл.

- Ты гляди-ка: призрак что ли, - задумчиво себе под нос пробормотал лоточник и бросил свою тележку, чтобы поглазеть на происшествие.

Вокруг места аварии уже собралась толпа. Несколько мужчин стояли на коленях, заглядывая под автобус, чтобы понять, что случилось.

- Там мальчик! - крикнул один из мужчин. - Помогите мне, надо его осторожно вытащить.
- Лучше его не трогать, - рассудительно заметила одна из женщин в толпе, медсестра по профессии.

Она ехала тем же поездом, что и человек-волк, только в комфортабельном купе, потому хорошо выспалась и отправилась на прогулку по городу в ожидании главного события - матча между сборными Бельгии и Англии за третье место в чемпионате мира. Медсестра, которую звали, Алиса, болела за англичан и всегда мечтала жить в Англии, где Гарри Поттер, Шерлок Холмс и другие герои её любимых произведений. Где Хью Грант и Колин Ферт. Алиса любила

читать и мечтать. Любила представлять себя героиней большого романа.

Она и мечтать не смела, что в первый же день станет свидетельницей происшествия, о котором, вернувшись домой, она сможет рассказывать в курилке родной районной больницы в подмосковном пригороде как минимум неделю.

В чём она точно была уверена, так это в том, что не стоит пытаться самостоятельно передвигать пострадавшего с подозрением на травму позвоночника. Лучше дожидаться профессионалов. Впрочем, её не послушали. Мальчишку достали, не дожидаясь приезда бригады неотложки.

Это спасло мальчишке жизнь, но и разрушило её. Он так и не смог оправиться от травм. О скейте можно было забыть навсегда. Как и о том, чтобы ходить своими ногами.

Мальчишке родной город преподавал жестокий урок, но цена, которую парню пришлось заплатить, уберегла его от более страшных неприятностей. Жить без ног можно, а жить в тюрьме невозможно. Рано или поздно он бы туда загремел, и тогда его судьба сложилась бы весьма плачевно.

Жестокий урок для одного стал спасением для многих. Подвернувшийся в буквальном смысле под руку человеку-волку мальчишка, из-за которого он был вынужден расколоть свой панцирь невидимости, помог мне обнаружить того, кого мы всё утро искали вместе с Костей и Петром Алексеевичем.

Я увидел тёмную фигуру как будто по наитию, но это моя эмпатическая связь помогла мне обнаружить цель.

Ничего страшного, что человек-волк исчез до того, как его увидели остальные члены импровизированной команды.

Увиденного оказалось достаточно для того, чтобы зафиксировать цель. В моём сознании как будто зажглась красная точка - метка, определяющая настоящую, не фейковую сигнатуру личности человека-волка. Теперь я его не потеряю.

Он это знает. И он взбешён. То, что я знаю о слугах Сноголовых в нашем мире, достаточно, чтобы начать испытывать лёгкий страх. Я не трус, но я боюсь. Я боюсь, что не справлюсь. Я всего лишь человек, хоть и ведомый светлым духом, о котором говорил мой прадед Леонид. Я боюсь, что мне при всей моей уверенности не достанет сил, чтобы противостоять существам, которых ни при каких условиях нельзя назвать людьми. Я боюсь, что даже с помощью артефакта, который раздобыл на острове Пасхи Костя, не смогу остановить всего лишь одного из исполнителей воли тех, кого столь же много, сколько существовало живых существ на этой планете со времён возникновения жизни. Я боюсь, что голоса Земли, помещённого в секретное оружие, будет недостаточно для того, чтобы остановить существо, которое давно уже не воспринимает ничьи увещевания и мольбы, сколь бы убедительными они ни были. Я боюсь, что просто не готов к возможному поражению. На кону очень многое. Жизни всех, кого я знаю и люблю. Мой город. Наш мир. Наши сны. Наша возможность путешествовать - по всему миру для всех, кто готов, и по территории сновидений для тех, кто на это способен.

Что, если виденный мною несколько раз сон о том, как меня уносит водным потоком, - это намёк на то, что произойдёт на самом деле? Намёк на реальность?

Впрочем, сон уже не так пугает. Мы узнали, благодаря тому, что своевременно встретили Петра Алексевича, который в нужное время привёл нас на единственно правильную крышу, нечто важное: мы узнали, как определить, где нам нужно будет оказаться завтра. Достаточно мне будет определить, где находится красная точка сигнатуры личности человека с волчьим взглядом в момент, предшествующий началу ритуала. Это должно быть массовое сборище.

Трудно сохранять интригу до настоящего момента, раз я сам уже несколько раз проговорился. Всё закончится, закончится при любом исходе, на стадионе “Санкт-Петербург”, где 14 июля, в день новолуния, состоится финальный матч чемпионата мира за третье место.

Туда нам предстоит попасть. Попасть на стадион - половина дела. Нам нужно будет оказаться наверху. В самой верхней точке этого сооружения. В некоей точке, где сходятся энергии нескольких стихий. Воды Заливы, земля, воздушные течения и энергия тысяч человеческих существ, что равнозначно силе огня.

Как нам туда попасть? У нас есть мастер ключей - Пётр Алексеевич. Повелитель крыш города. Он вечером дня накануне решающей битвы спустил нас с Костей с крыш на землю, пожал нам обоим руки - крепко, “по-императорски”. Подкрутил усы. Дал нам каждому по визитке со своим личным номером мобильного. Уверил, что мы можем звонить ему в любое время. Более того, мы должны ему позвонить, потому что без его помощи мы не попадём туда, куда должны.

Я поблагодарил его, ещё не зная, с кем свела нас неслучайная случайность в этот день. Очень скоро скажу, кто этот человек. Пока же предлагаю угадать номер его телефона. Впрочем, не буду никого дразнить. Код оператора мобильной связи я не назову, чтобы не было соблазна позвонить и обломаться. Номер назову, он кричит о самом важном дне: 1472018.

ГЛАВА 8. ДО

Мы с Костей в моей квартире. Готовимся к решающему бою. Сражению. Схватке. Пока не решил, как назову то, что должно произойти завтра. То, что я должен сделать в одиночку, но не по той причине, что я какой-то супергерой. Так выпало по звёздам. В буквальном смысле. Вы ведь слышали, что сказала мне Алина ? Так звёзды напели, чтоб их.

Это уже конец истории. Незаметный. Обыденный. Мы сыграли все ноты, какие должны были сыграть. Я. Костя. Алина. Другие люди, вовлечённые в большую игру и оставшиеся за кадром. По разным причинам. Секретность и потому что они сами так решили. Поэтому в истории как будто не хватает “цемента” сюжета. Мой опыт рассказчика тоже сыграл свою негативную роль, но есть несколько эпизодов, о которых я не упомянул сознательно.

Видите ли, я верю в то, что эта история кому-нибудь понравится. Если случится так, кому-то захочется узнать больше о том, что происходило со мной на территории сновидений, как я готовился спасти мир, кто был со мной рядом в эти дни и чем помог. Вдруг кому-то будут интересны эти неосновные эпизоды. Также я мог бы отдельно рассказать истории о некоторых людях, кто важен для меня, кто оказывает большое влияние на мою жизнь.

Детективные сюжеты о нескольких любимых улицах моего города, которые оказались соединены на некоей загадочной карте в таинственный узор - узор в виде иероглифа, который означал нечто, что многие поколения искала императорская семья Японии. Однажды я тайно помог разгадать секрет этой карты секретному агенту на службе у императора. Что было потом? В Японии началась новая эпоха - Рэйва. Императора Акихито сменил его старший сын - Нарухито.

Я знаю множество историй, но не буду вам их рассказывать. Ведь я ещё знаю, что читатели предпочитают романы коротеньким рассказам. Так что рассказы я оставлю как-нибудь на потом. Или оставлю их себе, а вам дорасскажу историю, о финале которой вы уже, наверное, всё себе сами придумали. Скорее всего, вы правы. Ведь все мы - существа одного порядка. Мы обитаем в одном мире, что наяву, что во снах. Мы все накрепко повязаны. Мы - часть одного Потока. Мы - капли одного большого океана чувств, мыслей, идей, историй.

Об этом я думаю, пока сижу с раскрытым ноутбуком на коленях. На скринсейвере - фотография озера. Его безмятежная гладь, не потревоженная ничем, отражает в себе небо и скалы. Скалы окружают озерцо с двух сторон. Такое ощущение, словно это две руки, оберегающие озеро от того, чтобы оно пролилось, убежало, стало частью какой-нибудь реки. Однако между скалами впереди есть узкий проход. Что за ним, мне по фотографии не видно. Одно я чувствую очень чётко, глядя на фотографию: озеро внутреннее боится расплескать свою чистоту, своё

спокойствие. Оно как будто отвернулось от просвета между скалами. Оно боится движения. Ему хочется как можно дольше оставаться в покое, чтобы никто и ничто не тревожило его глади. Оно настолько же красиво, насколько и мертво. Только пока само об этом не знает. Вместо того, чтобы предпочесть уйти по капле, раствориться в большом мире, где его воды кому-то могут даровать жизнь, оно предпочитает находиться в прекрасном застое, в невмешательстве ни во что. Даже имея возможность выйти за пределы своего уютного мирка. Достойного для того, чтобы скрасить чей-то временный досуг - вот как того туриста, чей рюкзак виднеется на границе кадра. Турист уйдёт, устав созерцать недвижимую картину, которая дарует покой в той же степени, в какой заражает скукой.

Не становлюсь ли я похожим на такое вот озеро? Я задумался об этом, пытаюсь понять причины гложащих меня сомнений. Зачем мне идти в бой с тем, чего я до конца не понимаю, за мир, ответственность за который я не принимал? Что со мной происходит? Не стал ли я перед важным часом подвержен скверне? Что если её источник - это не мои мысли, а нечто, что каким-то образом догадалось о моей роли, пытается воздействовать на меня с той стороны?

Если душа - это водная гладь, то поверхность моей души сейчас испытывает сильное волнение. И при этом душа словно замёрзла, потому что на поверхности не видно ни малейшей ряби. Я как будто онемел.

Я держу ноутбук, всматриваюсь в фотографию до той поры, пока экран не гаснет совсем.

Я вспоминаю свою первую, самую памятную встречу с прадедом. Я встретился с ним в одном из осознанных сновидений. Мы сидели на лавочке под деревом и с терпением и смиренностью монахов созерцали поверхность озера в окаймлении деревьев.

Тогда я сам себе ответил на один важный вопрос: что есть человеческая душа?

“Душа - это озеро, ручей, аквариум. Что угодно, как ни назови, но состоит она из мириада капель: каждый вздох, каждая мысль, каждый поступок человека за земную жизнь, всё в воду это приходит и наполняет, создаёт глубину и чистоту, живности, что водится в водах, селиться позволяет. Вместе с тем, душа всегда под бескрайним небом, под единым, что питает каждого из нас дождями спасительными из одного и того же источника. Только от нас зависит, в какие воды небесное прибавление попадает: в чистые и глубокие, где не поднимается со дна грязный ил, не пропускают трещины на дне ядовитые испарения, или такие, где всё застыло, умерло - только гниль и зелёная плёнка на поверхности. В такую дурную воду самая чистая и сладкая вода, если попадёт, то только быстрее на месте мёртвого источника болото окажется, а то и пересохнет всё, уйдёт вода в землю. И некого винить в том, что заразил свою душу. Это не то озеро, куда проезжими дорогами плохие люди могут попасть, замусорить всё на берегу, отравить воду. Озеро это в тебе, оно только твоё. Только ты отвечаешь за то, каким оно будет. Тебе решать, что и кого пускать к его берегам. Никто не волен изменить того. Никто, потому что

под одним небом все, все из одних туч пьют, все, смотри они чаще вверх, а не под ноги, один и тот же свет видели”.

Так всё было. Тогда архимандрит Леонтий, святой человек при жизни и святой дух в загробной жизни, помог мне найти верные слова, простой идиллической картиной развеял сомнения в моей душе. Разъяснил мне всё на простых образах.

Я понял. Я всё понял. Картинка с озером - отражение моих сомнений. Всё, что мне сейчас нужно, - это ещё одна встреча с Леонтием. Только прадед сможет найти и в этот раз верные слова. Может, всё ещё проще будет. Без слов обойдётся. Просто даст мне некий знак. Возложит ладонь мне на голову и передаст благодати, которой он полон.

Я должен встретиться с Леонтием. Мне срочно нужно на ту сторону. Даже если сейчас это крайне опасно. Даже если каждое моё движение и каждую мысль, как и каждое сновидение, могут отслеживать.

Я говорю Косте, что перед завтрашним днём надо выспаться. Он на удивление легко соглашается, хотя по его глазам вижу, что он хочет мне что-то рассказать.

Я сейчас не настроен на беседы. Костя видит это по моим глазам. Мы желаем друг другу спокойной ночи: он остаётся ночевать в зале, я отправляюсь в свою кровать.

Главная прелесть в долгой практике осознанным сновидениям, что учишься засыпать практически мгновенно даже при самом широком наборе внешних и внутренних раздражителей, препятствующих спокойному засыпанию. Внутри меня всё вибрировало как чрезмерно натянутые струны.

Я лёг на специальную ортопедическую подушку, наволочка которой пропитана особыми ароматическими летучими веществами, помогающими организму расслабиться. Я медленно начал считать от десяти до одного, после каждой цифры мысленно устанавливая будильник в голове, чтобы проснуться вовремя, устанавливая защитные барьеры, посылая код предупреждения тем сотрудникам министерства сна, которые оберегали мой “пузырь” от вторжений извне в настоящее время, определяя координаты той части территории сновидений, где прошлый раз я нашёл церквушку - приход прадеда Леонтия.

На цифре один я уже спал.

* * *

Вначале всё было примерно так же, как в первый раз. Я шёл по вечерним пустым улочкам тихого городка. Шёл до тех пор, пока дорога не привела меня к маленькому белому храму, чья маковка золотилась в лучах заходящего солнца. Было, впрочем, в её облике, помимо знакомых очертаний и кое-что новое. Чуть сбоку к основному зданию примыкал придел, представлявший собой небольшую звонницу, в три колокола.

Я вошёл внутрь. Архимандрит Леонтий посреди того же тёплого моря из огоньков множества зажжённых свечей, как и тогда, стоит ко мне спиной и кладёт крестные знамения иконам. Его фигура в простой чёрной рясе в ореоле жёлтого свечения кажется издали зрачком огромного глаза. Глаз Бога. Вот так он выглядит. Зрачок - это служитель церкви, а радужка - это благодать, существующая только в храмах.

- Интересная мысль, - слышу я голос Леонтия.

Он уже завершил свой неслышный разговор с Богом и идёт мне навстречу. Простой чёрный клобук с чёрным же покрывалом за спиной. Окладистая борода. Простой, скромно украшенный крест на груди. Пальцы соединены под крестом и прикрыты рукавами одеяния. Дежа вю. Один в один как в первый раз.

- Это не я повторяюсь, это ты воспринимаешь меня так, - привычно отвечает вслух на мои мысли Леонтий.

Он подходит ко мне и расцепляет руки, приглашая к крепким троекратным объятиям с целованием после каждого круга.

- Здравствуй, внучок, - приветствует он меня после того, как обязательный ритуал приветствия исполнен. - Я рад, что ты вспомнил обо мне. Хорошо, что помнишь, как и хорошо, что ведаешь, когда самый лучший момент для того, чтобы внять моим наставлениям. Ты всегда чувствуешь его столь же верно, как и верно ты об оке Боговом сейчас изрёк.
- Я молчал, - мне нравится эта наша с ним игра, когда он отвечает на невысказанные мои слова, укрепляя меня в вере, что он всегда знает, что у меня на душе - что гложет, что нужно мне, чтобы унять беспокойство.
- Уста молчания печать хранили, но душа, меж тем, взывала к Богу.

Он перекрестил меня и посмотрел мне прямо в глаза:

- Знаю я, с чем ты в этот раз пришёл. Помогу тебе, но уговор у нас с тобой есть, хочу чтобы прежде его ты исполнил. Дальше о делах земных говорить будем.

Уговор - это Леонтий о моём фантомном воцерковлении речь ведёт. Из-за способности своей не рискую я по-прежнему ходить в церковь наяву. Есть у меня сомнения определённые - и что примет меня храм на земной тверди, и что готов я, что нужно это мне. Другое дело - территория сновидений. Я отдаю себе отчёт в том, что всё существующее сейчас вокруг меня - это в равной части часть общей памяти моего рода, моей семьи в нескольких поколениях, и того, что из сердца моего через разум прошло, дав искру для рождения сновидения. В нём я нахожусь, и оно же - плод моего сознания, как зажжённая свеча, для пламени которой рука нужна, несущая огонь. Сами по себе свечи не зажигаются.

Вот в этом и уговор наш состоит. Прадед не принуждает меня исполнять устав церковный, вести себя в храме соответственно его предназначению - креститься, поклоны бить, молитвы читать, с паствой на службах стоять. Он просит меня только об одном каждый раз, как я появляюсь здесь: зажечь свечу и поставить перед тем образом, какой мне ближе всего и по душе в данный момент.

Я беру свечу из раскрытой ладони архимандрита, не спрашивая по обыкновению, как она в этой ладони оказалась, если мы только что обнимались по русскому обычаю как подобает двум родным душам. Иду со свечой в руке, аккуратно поддерживая двумя пальцами её тонкое

восковое тело, источающее от тепла других свечей и тепла моего тела приятный ладанный аромат.

В нишах по обе стороны церковного прохода к амвону, развешены иконы. Их очень много. Каждая - с ликом одного святого православной церкви. Я медленно иду и всматриваюсь в лики, пытаюсь заглянуть внутрь себя, чтобы не пропустить, если чьё-то имя или образ отголоском отзовутся в душе. Ксения, Спиридон, Николай, Александр, Серафим, Василий, Георгий, Иоанн. Иду мимо всех образов, пока наконец не останавливаюсь у иконы, на которой лик одновременно скорбный, задумчивый, суровый и отсутствующий. Выражение глаз изображённого на иконе старца не смотрят внутрь себя и не разглядывают тебя - отстранённо и милостиво. Старец с венчиком волос по бокам головы и небольшой бородкой в одной руке держит книгу, второй осеняет нечто перед собой крестным знамением. То, что он видит нечто перед собой и благословляет не созерцающего икону, а это, что открыто лишь его взору, я понимаю как-то сразу.

Я зажигаю свечу от других, горящих перед иконой с этим ликом в большом подсвечнике на высокой ножке. В центре подсвечника на множество свечей - держатель побольше. Это для свечей особенных, когда проситель хочет, помимо просьбы своей, ещё и храму вспомоществование оставить.

Моя маленькая свеча надёжно схватывается в держателе. Я отхожу на пару шагов назад, чтобы ещё раз взглянуть на лик святого, который я выбрал. Зажжённая мною свеча отразилась в его глазах, так что на секунду показалось, что

во взгляде святого мелькнула искра. Божья искра. Искра, которая призывает меня следовать за собой.

- И ты снова сделал верный выбор, Саша, - голос Леонтия музыкальным, как перезвон маленьких басовых колокольцев, эхом разносится под сводами маленького храма.
- Кто это святой? - я продолжаю всматриваться в лик, но искра уже исчезла из взгляда, смешавшись с сотнями других световых бликов.
- Это Николай Чудотворец. Он святой покровитель путешественников. Выходит, что он твой покровитель. Есть и ещё нечто, в чём явная благодать момента видится мне. При жизни Николай прославился чудесами, которые совершал во славу истинной веры. Среди прочего, славен был Николай тем, что умиротворял враждующих, растворял злобу взаимную в их сердцах и склонял к миру.
- Как это могло бы помочь мне, будь он со мной в нужный момент завтра.
- Он и так с тобой. И с этого момента, и всегда, ведь помнишь ты, что все мы - часть одного великого, капли малые в великих небесах. Порой проливаемся дождём на землю, неся то жизнь, то разор, а время когда приходит, уходим в небеса обратно - как пар земной, как души летучие. И до времени частью неба остаёмся, но готовы будем пролиться на всякого, кто призовет. Вот ты призвал, и явится к тебе помощь, благословение и защита Николая Чудотворца.

В этот момент мне как никогда захотелось перекреститься, чтобы сохранить сказанное прадедом. Чтобы четырьмя касаниями крестного знамения взять с собой силу слов, произнесённых только что. Наперво - в разуме сохранить, в сознание привести. По второму касанию - душу облагодетельствовать откровением, ту часть меня, что жизнью меня наполняет, “живот дарует”. По третьему и четвёртому шагу - возвращается в мои руки тем, что я сам захочу в слова в эти вложить. Станет ли оружием или оливковой ветвью мира, станет ли щитом или надеждой - только мне решать.

- Только тебе, внучок. Даже произнесённое слово силу имеет, Что о действии говорить, - снова отвечает архимандрит мне на то, что я вслух не произнёс.
- Раз выбрал ты, раз силу ощутил, осталось одно лишь сделать, дабы готовности твоей убеждением разжиться, - Леонтий кладёт мне руку на плечо и поворачивает мягко к незамеченной поначалу низкой двери в стене. - Пойдём, внучок, музыку тебе сыграю. С небесными сферами поближе познакомлю.

Я послушно следую за фигурой в рясе. В какой-то момент мне начинает казаться, что в образе моего прадеда со мной разговоры ведёт кто-то более... более высокий по небесному рангу. Я боюсь предположения делать. Как бы в грех гордыни не впасть.

Леонтий отворяет низкую дверь из чёрного железа. Дверь мягко вздыхает, выпуская наружу волну прохладного воздуха. От этого вздоха за нашими спинами на белёных

стенах храма начинают играть сполохи жёлтых огней. Я не оборачиваюсь, но ощущаю затылком, как лики святых смотрят нам (мне) вслед. Беззвучно шевелят губами. Благословляют.

Мы поднимаемся - Леонтий на два шага впереди, я за ним - по узкой винтовой лестницы. Путь ведёт нас на высоту примерно третьего этажа. Мы выходим из люка в деревянном полу и взбираемся на площадку звонницы. Над моей головой - языки трёх маленьких колоколов. Один, побольше, басовый, два, которые поменьше - для мелодичных трелей.

- Вот он - глас божий, коему предписано через содействие слуг Бога разговаривать с людьми, проникать через слух их к сердцам, в души заглядывать. Вот он - глас людской, коему одному порой дозволено достигать чертогов Его. Это в две стороны, туда и сюда, работает. Это единством отмечено земного и небесного чертогов, жилищ людских, храма Бога и слуха Бога.
- Колокола?
- Да, внучок. Колокола. Вестники благодати небесной и страданий земных. Спутники радостей великих и скорбей бескрайних. Знаешь ли ты, что в слове “колокол” сокрыто? Что в звучании слова сего открывается?
- Что-то, что напоминает о том, как звучит колокол? Повторяющиеся звуки, из которых и состоит голос этих куполов с языками?

- Звуки - звуками, но есть нечто большее в слове. Из разных источников разные сведения добыть можно. Сообразно одним - шум они несут, кричат, требовательно вывают. Согласно другим - созывают они людские души, зовут того, на чью милость люди уповают. Главное - они звучат. Голос имеют. Голоса их - птички малые в небесном хоре. Но услышит их душа, если есть в ней неба частица, из дали любой. Голоса эти не по воздуху разносятся, от сердца к сердцу, и потому расстояния им не важны. Понимаешь?
- Теперь, да.

Я знаю, почему то, что необходимо сделать, должен сделать именно я. Я верю в то, что всё будет как надо. Я слышу это в своём сердце. Я слышу, как моя душа сейчас звучит в одной тональности с душой, несравненно более древней, большой, глубокой, чем душа любого из когда-либо живших на этой земле. Я слышу, как с моей душой говорит мой город. Я слышу голос Земли.

- Посмотри, что ты видишь вокруг, Саша, - Леонтий простирает руку за парапет ограждения, предлагая мне оглянуться окрест. - До сих пор ты видел лишь то, что к земле льнуло, так как смотрел с той же высоты, с какой обычно люди мир обозревают. И даже оттуда ты видел очень многое, внимал таким истинам, до каких многим всей жизни не хватит дойти. Сейчас посмотри на то, как звучит этот мир, каким голосом он располагает, когда не собственным мыслям время свободу быть изречёнными давать, а слушать, что тебе нащёптывает

всё сущее. Церковь моя старая. Лики святые. Молитвы мои. Озерцо то, у берега которого мы с тобой беседу вели. Лесок. Облака, солнце сторожащие. Люди, веру в сердцах хранящие. Свод небесный. Звёзды на нём. Самый светлый лик, что над всем сущим. У всего голос свой есть, и всяк голос голосу колоколов освящённых отзовётся.

Архимандрит взял в правую руку верёвку, ведущую к языку большого колокола. Меж пальцев второй руки разделил две верёвки потоньше от источников голосов двух колоколов поменьше.

- Слушай музыку небесную, сотворённую на земле, а потому голосом земли с небом говорящую. Голосом матери единой всего живого к голосу Отца нашего общего вызывающего. Да простит мне Небо, что вызываю к нему не в час урочный, да не прогневается Господь за то, что спасти души многие хочу помочь, смиренно признавая малость сил своих...

Первый удар разнёсся басовой торжественной нотой. Это большой колокол подал голос. Призыв его как сигнал всё, что внизу, восприняло. Стихли все звуки. Даже ветер утих. Даже сердце моё утихомирило бег.

Ещё один удар. Голос, как воспрывший ото сна, на второй попытке стал глубже и сильнее. До самого неба достал. Во все стороны света в одно и то же время ушёл и достиг самых дальних уголков.

Третий слог. Третья нота. И к ней добавился целый разлив нот, как озеро, решившись, покинуло всё же свой привычный приют, решилось на перемены. Малые колокола вступили, повинувшись движению руки - велению души архимандрита Леонтия.

Басовая нота расчищает простор, тонкие переливы наполняют чистое полотно, небесный нотный стан звёздными нотами. Каждая нота - ещё одна звёздочка. Как свеча зажигается в тёмном небе. Так и ждёшь, что в следующий миг в небе проявится лик. Лик того, кто всегда благословит путешественника.

Я смотрю во все глаза в это музыкальное небо, где, кажется, из самой земли выпархивают разноцветные ноты-звёзды и освещают всё пространство вокруг. Я смотрю на тёмную фигуру моего прадеда, чья душа сейчас в гармонии с небесными сферами, Богом и земной твердью. Он, как и в первые минуты нашей встречи, снова напоминает мне зрачок Бога. Тёмный, но не чёрный, внимательный, но не взыскующий, постоянный, но подвижный. Заним во всё небо разливаются сполохи. Огни радужки вселенского ока.

Меня уносит этим потоком. Потоком. Я - малая его песчинка. Поток всё ближе. Всё громче его рёв. Или... Неужели, я каким-то образом снова переместился в тот сон, в котором меня уносит в чёрную воду Невы?

Я опять бегу, опять пытаюсь убежать от силы, которая неминуемо меня настигнет. Снова, как заговорённый, оборачиваюсь, чтобы увидеть, как меня подхватывает своим бушпритом бронзовый кораблик. Но вот с этого момента течение сновидения приобретает неожиданное

продолжение. Раньше на этом моменте я просыпался, но не сейчас.

Я ощущаю, как меня поднимают чьи-то сильные руки. Я возношусь над потоком, уничтожающим подо мной всё, что создано руками человеческими. Меня возносят руки... Бога?

Над ухом раздаётся знакомый голос. Узнал я его только день назад, но за несколько часов, проведённые в компании этого человека, успел привыкнуть к нему. Это Пётр Алексеевич, наш проводник по миру крыш, и он говорит мне в моём сне:

- Я ведь говорил тебе, что всё будет хорошо. Не бойся. Доверься себе. Доверься мне. Доверься друзьям. Мы поможем. Для начала взгляни на всё с иной перспективы. Поднимись над ситуацией. Твой город тебя не оставит. Твой город с тобой. Я с тобой, Саша...

Его голос заглушает приливная волна. Она становится всё громче и громче. Однако вместо рёва водного потока я начинаю различать отдельные звуковые вкрапления на общем фоне.

Стадион. Точно, стадион. Толпа скандирует. Вот пронесится, нарастая всё выше по громкости, мощное “г-о-о-о-л!”.

Я высоко над городом. Крыши превратились в костяшки домино - так они далеко внизу, подо мной. Впереди, в поле моего зрения всплывает освещённая изнутри раковина посреди тёмной массы - деревьев и близкой воды. Посреди совершенно тёмного города - ни одно окно или фонарь не горят, совсем нигде - огромным драгоценным камнем типа

“голубиное яйцо” на бархатной подложке ночи лежит стадион. Идёт матч. Игра в самом разгаре. Трибуны заполнены. Над стадионом собираются тёмные протуберанцы туч. Это из-за них так темно, потому что такой ночи в это время суток просто не может быть: сейчас лето, июль, белые ночи. Последние дни таких ночей.

Они закручиваются тугими спиралями, грозясь поглотить это светлое пятно, где многие тысячи людей выбрасывают в небо свои эмоции. Их подхватывает ветром и вплетает в дымную окантовку туч. Как щупальца они окружают стадион. Внезапно с затемнённого участка крыши к тучам взмывает целая россыпь маленьких огоньков.

Они взмывают, вместе с рассеянными золотистыми нитями энергии человеческих эмоций, чтобы их поглотили чёрные рваные щупальца облачных протуберанцев. Исчезновение каждого маленького огонька вызывает внутри скопища туч вспышку. С каждым исчезающим огнём вспышка становится всё шире, приобретая зеленоватый оттенок.

Когда в крутящемся хаосе из всполохов и дымных нитей исчезает последняя искра, небо застывает. Оно внезапно начинает сиять огромными зелёными полотнищами северного сияния. Мир вокруг, насколько хватает глаз застывает.

Сияние становится всё интенсивнее. Небо наливается зеленью. Достигает предела, который вызывает нечто вроде болевого шока, практически ослепляет. Как вспышка ядерного взрыва.

Весь свет собирается в одном месте, прямо над застывшим стадионом, продолжающим сиять в кромешной тьме. Абсолютная, всепоглощающая тишина. Мёртвая неподвижность. Свет мощным и тонким лучом, похожим на лазерный, выскальзывает из дымных объятий туч и бьёт в ту же точку на крыше стадиона, откуда недавно вылетели световые пятна.

Что-то вбирает весь свет, без остатка.

Окружающий мир перестаёт существовать. Его как будто выключают. Кто-то задёргивает плотные шторы, не пропускающие ни фотона света. Темнота такая, что её можно ощущать руками. Я слышу свой голос в этой тьме:

- Нет, нет, нет! Остановись! Не делай этого! Я прошу тебя подумать. Ты не должен, нет...

КОДА

- Ты не должен этого делать. Я понимаю, что тебя заставили. Чем бы они тебя не держали, я обещаю, что помогу тебе. Только не делай этого. Тебе не за что любить наш мир, но поверь: для нас он очень много значит. Столько же, сколько та жизнь, которой ты лишился, значила для тебя.

Я стараюсь быть крайне убедительным. Ведь я стою в нескольких шагах от человека с волчьими глазами. Решающий момент. Момент, от которого зависит вся моя жизнь. Жизни всех на этой планете.

Над нашими головами - дымная круговерть щупалец, высасывающих свет из окружающего пространства. Я вижу,

как гаснут один за одним огни города, как наливается чернотой протуберанец туч над стадионом. Время застыло.

В его руках раскрытая спортивная сумка, в которой хрустально позвякивает целая россыпь шаров - пузырей с душами городов, с их голосами. В моих руках вот-вот окажется артефакт, который я получил от Кости сегодня утром.

Самый древний в мире, если не во всей обитаемой вселенной камертон. Инструмент, созданный самой Землёй. Источник власти над такими, как мой визави, готовый вытряхнуть из сумки все накопленные им за долгие годы странствий по миру сокровища.

Костя предупредил меня, что использовать камертон можно лишь в крайнем случае. Его сила им не проверена на практике: не было возможности и не над кем было экспериментировать. Потому лучше не рисковать. То, что понял из общих характеристик этого артефакта Кости, если по нему ударить, камертон создаст звуковую волну, настроенную только на сознание полиморфов. Не просто волну - узкий луч, который вонзится пронзительным миллиарднолетним голосом прямоком в древнейшие центры сознания существа, привыкшего долгие годы прятать своё звериное начало в человеческой шкуре. Что при этом произойдёт, одному богу, точнее матушке-Земле известно. Два острия вилки камертона - это два мира: один - это явь, второй - территория сновидений. Звук от такого артефакта распространится сразу по ту и обратную стороны. Спасения от такого оружия нет.

Я очень не хочу доводить всё до того, что буду вынужден использовать камертон. Я настроен на эпичное противостояние умов, в духе голливудских блокбастеров, когда герой и антагонист на фоне каких-нибудь невероятных пейзажей или буйства стихий обмениваются аргументами и контраргументами, произносят пафосные речи. Тянут время, короче.

В этот раз, судя по всем признакам, такой приём не сработает. Он не желает меня слушать. Его руки напрягаются, готовые подбросить раскрытую сумку вверх. Если он это сделает, протуберанцы беснующейся над нашими головами торнадо из кружащихся в бешеном темпе туч засосут в одно мгновение все украденные голоса городов. Тогда всё дальнейшее будет как во сне, от которого я проснулся в холодном поту сегодня утром.

Я не могу этого допустить. Как только он собирается осуществить задуманное, я выхватываю из-за пазухи камертон. Щелчок Таноса, только в гораздо меньших масштабах, несоизмеримо меньших. Я щёлкаю по одному из зубцов вилки и поражаюсь эффекту, который вызываю в окружающем пространстве этим простым действием.

В дополнение к тому, что под нашими ногами мир и так превратился в неподвижный негатив фотографии, замер и протуберанец в небе. Я ощутил каждой клеточкой своего тела звуковую волну, которая распространилась в мгновение ока от моего щелчка пальцем по вилке камертона.

В моей голове раздалось гулкое эхо как от многоголосого выдоха “ом!”, совершённого всеми буддийскими монахами мира. Долгое “ммммм” продолжило звучать в застывшем

воздухе, даже когда я опустил камертон. Как басовая нота колокола из моего сна.

При этом со мной ничего не произошло, чего нельзя сказать о моём противнике. С человека-волка от этого густого, как русский борщ, “ом!” ключьями слазит кожа, вместе с одеждой, волосами, человеческими чертами. Так бывает, когда сильным ветром срывает с чего-то внешнюю оболочку, обнажая каркас. Под этой оболочкой скрывается нечто огромное, покрытое чёрной шерстью с серебристыми пятнами на груди и на голове. Больше всего это похоже... не на волка, как можно было бы подумать, стоило взглянуть в глаза этого человека, а на огромного медведя.

Высотой в добрых три с половиной метра, если не выше, заросшая шерстью фигура подняла кошмарную и прекрасную одновременно морду к небу и издала громкий рык, в котором можно было услышать и нотки отчаянного человеческого вопля. Впрочем, на фоне продолжающегося эха от вибрации камертона, который изрядно нагрелся в моей руке и норовил выскочить из ладони, рык этого существа оказался тише комариного писка.

Сумка выскочила из лап существа с огромными кривыми когтями. Из её нутра, как заложники из освобождённого группой спецназа отделения банка, в разные стороны покатались светящиеся изнутри шарики. Скатываясь вниз, во тьму, эти шары издавали весёлый победный перезвон с хрустальными нотками. Новым порывом звуковой волны существо смело с крыши. Он исчез в расстилающейся вокруг тьме. Темнота поглотила его, оставив только эхо его рычания.

Я не слышал и не видел, конечно, но почувствовал, что в это же время происходило на территории сновидений. Отголоски звуковой волны, вызванной колебаниями вилки камертона, испепеляли и меняли ландшафт. Превращали в окончательное ничто наиболее нетерпеливых Сноголовых, подобравшихся слишком близко к мембране с той стороны. Мне даже на секунду стало их жаль: они были так близки к цели, к которой двигались так долго.

Я чувствовал сожаление - из-за того, что пришлось так поступить с существом, кому с самого рождения пришлось столько испытать со стороны людей. В каком-то смысле, вина в появлении Сноголовых тоже лежит на нас. Бремя человеческого любопытства. Но я ощущал и огромное облегчение. Мне всё же удалось во всех смыслах подняться над ситуацией,увидев всё под самым широким углом и получив возможность со стороны взглянуть на то, что давило на меня слишком большой ответственностью.

Я как никогда в этот момент понимал, что имел в виду герой Брюса Уиллиса, полицейский Джон Маклейн, кому постоянно приходилось спасать мир - в угоду сценаристам и зрителям. Герой выдуманный, а дилемма - самая настоящая. "Кто-то ведь должен".

Один подумает: подожду, пока объявится настоящий герой. Другой не думает... не успевает подумать: его тело, опережая любые мысли и сомнения начинает двигаться, мчится навстречу опасности. Есть и третий вариант: сознание в сомнениях, но душа преодолевает их, потому что не всегда мысль - единственное, что делает нас людьми, что отличает нас от других живых существ. От тех, кого мы до

сих пор в своём заблуждении не желаем считать равными себе, обладающими разумом. Сознанием. Чувствами.

Разум без сердца - обуза. Действие без доли сожаления - путь к тьме. Справедливость без сострадания - победа зла. Всё это - великое множество невидимых струн. Их колеблют звёздные ветры. Их касаются руки Бога. Их музыку слышит всё сущее. Слышит с первого дня. И только сейчас какое-то эхо начинает доноситься до человечества.

Всё это пронеслось в моей голове в то мгновение, как звуковая волна очищала два мира - яви и сновидений. Через секунду всё было кончено. Хрустальные шары раскатились в разные стороны. Некоторые остались на крыше, какие-то поскакали по перекрытиям металлических конструкций вниз, к земле. Один из таких шаров после матча подберёт в траве девочка. Та самая девочка, которая всего-то пару дней назад ехала с семьёй напротив человека-волка.

У девочки всё будет хорошо. Она забыла о странном попутчике, и только к лучшему. Ей никогда не придётся встретиться с ним лицом к лицу. Мы встретимся с ней однажды. Когда она будет готова. Эта девочка - наша будущая надежда. То, что спало в ней, проснулось в тот момент, когда она подобрала необычный светящийся шарик и побежала к родителям, чтобы показать ей находку. В тот момент, когда она его подобрала, девочка вдруг вспомнила, что во время матча над открытой частью стадиона что-то начало происходить в небе, всё вокруг потемнело, начали собираться тучи. Она схватила маму за руку и закричала, показывая пальцем в небо: "Мама, мама, смотри, что это?" Через секунду всё стало как прежде, и девочка, моментально

забыв о том, что-то что увидела в небе, продолжила смотреть на ярко освещённое футбольное поле, где бельгийцы вырвали победу у англичан.

Это расстроило медсестру Алису, которая тоже что-то такое видела в небе, но, как и все, кто был этим вечером на стадионе, она попала во временную петлю, в зону остановившегося времени. Когда петля разомкнулась, исчезло и то, что в эту петлю было заключено, включая все воспоминания о необычных явлениях в небе. Планы фантомных существ остались фантомами.

Девочка единственная что-то вспомнила. Девочку зовут Света и живет она в Московской области в Домодедово. Благодаря подобранному шару в крови девочки проснутся способности, подобные тем, какими обладаю я. Однажды мы встретимся. Когда придёт время, она очень поможет мне в одном весьма важном дела. Когда придёт время, она станет той, кого я научу странствовать между мирами, как умела её мама. Когда придёт время, она спасёт нас всех. Снова. Потому что кто-то должен...

Когда придёт время, утихнет боль и в душе человека-волка. Камертон с дремлющим в нём голосом Земли причинил ему боль, но это была необходимая боль, отрезвляющая и исцеляющая. Голос Земли достиг самых потаённых уголков его сознания, его души. Он исцелился от влияния своих хозяев. Это положительная сторона. В любом деле есть и обратные стороны. Для человека-во... впрочем, пора уже называть его тем именем, которое подходит ему больше. Он - медведь. Мама дала ему при рождении очень сильное имя: Шардик.

Вернувшись в облик медведя, он наконец принял себя таким, какой он есть на самом деле. Он осознал, когда гнев и боль поутихли, что много столетий отрицал свою природу. Он протянул руку себе самому. Он принял помощь от себя самого. Примирение помогло ему стать тем, кем он хотел всегда быть: человеком с большим и отважным медвежьим сердцем.

Однажды он встретит девушку, у кого, как и у него, будет медвежье сердце. Эта встреча изменит жизнь человека-медведя. Его глаза перестанут быть по-волчьи холодными. Он простит мир, который был к нему жесток. Он простит того мальчишку, который когда-то давно озлобил его против людей. Он попросит прощения у того мальчишки, кто по его вине погиб в моём городе (впрочем, эту вину медведь делит кое с кем). Он примет мир, который отобрал у него родных, но взамен дал возможность выбора: уничтожить себя ненавистью или вернуть к жизни любовью. Он выберет второе.

Освобождённый от внутреннего управления Сноголовыми, Шардик останется один на один со своими снами. Он снова начнёт видеть по ночам один и тот же сон, в котором он вынужден, чтобы выжить, осквернять тела своих родных. Это перестанет тем, что было травмирующим воспоминанием, разрушающим жизнь Шардика. Он сделает то, что давно должен был сделать. Он отпустит мысли о своих родных, он попрощается с ними, попросит у них прощения за то, что не смог им помочь. Он получит прощение. Однажды он проснётся с улыбкой на лице, потому что он поймёт одну очень важную вещь: его мама, папа и

брат навсегда с ним. Они часть его самого, они - часть его памяти, они в его плоти и крови. Это важно. Это - единственное, что по-настоящему важно.

Я намерено снова и снова забегаю вперёд, чтобы выдать информацию о главных действующих лицах моей истории перед заключительными титрами. Мне всегда казалось, что самое важное в любой книге, любом фильме, в истории, какую бы форму она ни принимала, - это не то, что происходит, пока историю рассказывают, пока её слушают или читают. Самое важное всегда то, что остаётся “за кадром”, за рамками. Не просто то, что было потом, тем более, что люди любят мантру “они жили долго и счастливо”, но без особых подробностей, потому что дважды в одну и ту же реку не войдёшь, продолжение всегда хуже и всё такое.

В истории важно всё представить так, чтобы стало понятно: все герои - такие же живые существа, как мы, кто слушает, смотрит или читает. Герои проходят через то, что с ними случается, не только ради того, чтобы нас развлечь или отвлечь от наших жизней - куда более скучных и размеренных. Герои не совершают подвиги, не испытывают лишения, не терпят боль и так далее только ради того, чтобы донести до нас какую-то мораль, от которой мы легко можем отмахнуться, а то и вовсе не понять или не принять. Герои, даже если их кто-то придумал (увидел во сне: понимаете сравнение, да?), становятся в каком-то смысле настоящими в тот же момент, как воображение заработало, как первые строки книги написаны, как первые кадры фильма сняты. Тот, кто рассказывает историю, несёт ответственность за героев, им придуманных, с тем, кто истории будет внимать.

Мы - те самые наблюдатели, которые вызывают к жизни нечто, чего вот только что ещё не существовало. Вот почему история должна быть не просто доведённой до некоего логического финала, она должна продолжать жить и после того, как автор поставит точку. Жить в самом авторе, жить в разумах и сердцах тех, кто наблюдал за историей со стороны - как зритель, слушатель или читатель.

Мы не можем позволить себе быть потребителями историй, отбрасывая их, как кожуру от съеденного банана, когда сам фрукт съеден. Истории - это не кожура, но и не сам фрукт. Истории, которые нам рассказывают, - это мы сами. Потому что те истории, которые мы выбираем, на самом деле, выбирают нас. Мы даём им жизнь и наш долг эту жизнь продолжить. Истории становятся частью наших жизней, как фантазии однажды становятся реальностью. Истории, которые мы рассказываем, то же самое, что идеи, которые приходят в голову людям, меняющим мир и ход истории своим изобретениями. Без историй - наш мир был бы плоским, с историями мир обретает глубину и перспективу. Где-то там, в глубине, за невидимой мембраной есть территория, которая хранит все наши истории, все наши мысли, сны, всё, что мы когда-либо произвели на свет нашими сознаниями.

В этой глубине всегда будут гореть свечи в маленькой церкви моего прадеда Леонтия. В этой глубине всегда будет жить человек-медведь, кому повезло обрести себя и найти своё счастье. В этой глубине я наконец то обрету бесконечное бессмертие и полностью овладею магией любви и драконов.

В этой глубине продолжит спать Земля, которая видит сны обо всех нас, пока мы видим сны о чём-то большем. Мы - все разные уровни одной большой истины. Мы - ноты на вселенском музыкальном стане. У каждого - своё место, время и роль. И быть пустым это место не должно. Пустота в очередности нот нарушает гармонию всей мелодии. Вот потому истории, которые мы придумываем так же важны, как и те, кто их сочиняет, те, кто им внимает, и те, кто в этих историях живёт, не подозревая, что только кому-то снится.

Я рассказал вам всё, что припас для этого раза. История, которую я увидел во сне, была нужна мне для того, чтобы понять то, чем я только что с вами поделился. С истиной, которую до меня удивительно точно высказал лётчик и путешественник между мирами, удивительный Антуан де Сент-Экзюпери. “Мы в ответе за тех, кого приручили”. Мы в ответе за тех, кого вообразили.

Я в ответе за свою историю, но не могу быть в ответе за всех, кто её прочитает. Я надеюсь только лишь на то, что кто-то разделит со мной ответственность за придуманных мной героев, кто-то среди тех, кто не выбросит её из головы, как надоедливый шумовой фон, сразу же, как прочитает. Я слишком много говорю о себе и о том, на что я рассчитываю, хотя вы брали эту книгу для того, чтобы развлечься. Вам нужны были детали, вас нужно было вести неспешно, аккуратно и постоянно умасливая чем-то интересным, чтобы не забросили чтение и не отвлеклись на ленту новостей в соцсетях или что-то другое.

Дело в том, что я не смогу придумать историю такой, какой вы хотели бы её видеть. Я не могу придумать детали -

тот бытовой фон любого художественного произведения, который обычно и составляет основное содержание истории. Потому что, когда автор создаёт сюжет и отдаёт этот сюжет созданным им героям, эти герои начинают жить своей жизнью. Эти герои становятся одновременно отражением личности самого автора и тех, кто историю, как в моём случае, будет читать. Читатели и автор разделяют ответственность за героев произведения. И я с радостью разделю ответственность за мою историю с вами, раз уж книга попала вам в руки. Я рассказал вам только о том, что действительно было важно для движения сюжета. Об остальном я не умолчал, остальное уже не в моей власти. Я хочу сделать вас соучастниками. Я хочу, чтобы между ключевыми эпизодами истории вы разглядели моих героев, увидели их в те минуты, когда они не вели важные для сюжета разговоры. Я хочу, чтобы вы представили их себе: какие они, что им нравится, что они делают в обычные минуты, когда не спасают мир, кто им дорог, что они за люди.

Вы ведь хотели развлечься? Я предлагаю вам уникальную возможность для этого. Станьте соучастниками, дополните созданную мной реальность и поверьте мне - это доставит вам куда больше удовольствия и радости, чем послушно следовать, страница за страницей, за ходом мысли человека, которого вы не знаете столь же хорошо, как себя самих. Поиграйте в мою историю, чтобы понять, кто же такие вы сами. Сделайте её своей. Разделите со мной ответственность, ощутите тот же восторг, что ощутил я, однажды увидев во сне, что наш мир - это нечто большее, чем я вижу, открыв

глаза. Что видите вы? То, что вам показывают, или то, что идёт у вас изнутри?

Вот теперь самое время для последних слов. По сюжету.

Я не спас мир. Он нас спас, как бы странно это ни звучало. Наша планета привыкла к вынужденному симбиозу с разумной жизнью на своей поверхности. Она отдала управление миром в наши руки, предпочитая отдыхать от трудов. Видите ли, она, как и любой творец, полагает, что то, что им создано и передано в дар в мир людей, не будет уничтожено по той причине, что те, кому это досталось, не умеют пользоваться тем, что им досталось. Инструкций по применению для таких явлений реальности не полагается. Инструкции есть только к тем вещам, которые можно воссоздать. Произведение искусства, хорошую историю, планету, на которой мы живём, - восстановить не удастся, если по незнанию уничтожить её. Можно создать нечто по образу и подобию. Только в случае с Землёй разве будет это иметь для нас значение?

Я не спас мир. Мир спас меня. От иллюзий. От слабости. От сомнений. От боязни признать и принять свою роль. От непонимания моего предназначения.

Каждый человек задаётся вопросами о том, зачем он в этом мире, в чём его предназначение? Я своё знаю.

Я – путешественник и я из волшебного города Санкт-Петербурга, кто живет в городе ПЕРТ. В любом из миров, в который я нахожу дорогу, я не останусь на месте. Я буду идти. Я буду уходить, но только для того, чтобы всегда возвращаться к началу. Приходить домой. Возвращаться к

тем, видя кого, я могу сказать: “Я дома”. Привет любимая Западная Австралия. ПЕРТ мой дом навсегда.

Мой домашний город -это Петербург, где я родился. Я люблю его и знаю, что он отвечает мне взаимностью. Он всегда рядом. Он готов ради меня на многое.

Он готов побыть в образе чудаковатого, но весьма душевного экскурсовода Петра Алексеевича. Он готов помочь мне взглянуть на привычный мир под новым углом, в более широкой перспективе, поднявшись выше крыш привычных представлений и рамок, когда мне это надо. Он готов пойти на малые жертвы ради чего-то большего. Как Пётр Алексеевич, кто, когда я и Костя прощались с ним после всего, крепко пожал мне руку и притянув на миг к себе, шепнул мне на ухо: “Прости за мальчишку, так надо было. Если не под автобус, так под статью бы точно”. Мой город всегда держит наготове при себе ключи от любых замков - к любой крыше, к любому сердцу. Мы с ним понимаем друг друга, мы две ноты, которые звучат в унисон.

Мой дом - это мысли моих друзей обо мне. В мыслях настоящих друзей мне всегда найдётся место.

Надеюсь, что мой дом теперь - это и вы, читатели этой истории. Мы обязательно ещё встретимся. В ваших мыслях. Воспоминаниях. Однажды и в ваших снах. Кто знает, но почему бы и нет?..

ЭХО

Более года понадобилось нам всем, чтобы наконец встретиться в полном составе. Я, Костя , Алина. Были и ещё дорогие мне люди, но с ними у меня связаны другие

истории. Пока же надо до рассказать до самого конца конкретно эту.

Местом встречи мы выбрали новое заведение ещё одного моего хорошего друга .

Мы заказывали всё новые блюда, намереваясь перепробовать всё меню. Шеф ресторана была счастлива как никогда нашей активности. За столом собрались настоящие друзья. Можно сказать, что собрал их я. Собрал, чтобы сообщить одну важную новость.

Я обязательно сообщу её всем. Когда настанет время.

Пока же - время всему идти своим чередом. В уютном зале рестораника звучат весёлые голоса, играет музыка. В одной из мелодий я узнал вариацию в стиле боссанова песни When The Earth Sleeps, которую когда-то исполняли Питер Гейбриэл и Deep Forest.

Самая подходящая финальная нота, последний аккорд, чтобы поставить точку. Дадим нашей планете спокойно поспать. А нам пора просыпаться. Да, чуть не забыл: когда проснётесь, постарайтесь не забыть две буквы. М и А. Это важно. Там мы однажды можем с вами встретиться. На самом деле. И кухня там замечательная. А теперь пора. На счёт три. Раз, два, три...

(FADE TO BLACK)

Лисьи глаза жадно впитывают отблески пламени горящего шпилья Нотр Дам де Пари. Девять хвостов, как языки пламени, колышутся фантомами за спиной молодой девушки с раскосыми глазами. В глазах плещется ночь. Огонь. Жажда. В этих глазах туманные протуберанцы тянут щупальца к наполняющей вечернее парижское небо энергии

человеческих эмоций. Щупальца упиваются растерянностью, болью, шоком, ужасом, горем. За мембраной между мирами колышутся тени.

Девушка улыбается. Её тёмные зрачки заполняют весь мир. Затемнение. Уход в чёрное. Титры. Музыка.

Январь - май 2019